

У истоков Руси

Валерий Замыслов

Ярослав Мудрый
русь языческая

У истоков Руси

Валерий Замыслов

Ярослав Мудрый. Русь языческая

«ВЕЧЕ»

2019

Замыслов В. А.

Ярослав Мудрый. Русь языческая / В. А. Замыслов — «ВЕЧЕ»,
2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7928-1

Конец X века. Русь приняла крещение, но не сразу исчезают с холмов деревянные идолы, а когда исчезают, не все приверженцы старой веры начинают жить по-новому. Остро чувствует это Ярослав, сын князя Владимира Святого. Знает он, что отец, приведший подданных к христианству, во многом остался язычником — слушает чтения Святого Писания, а затем едет к наложницам, коих христианскому государю держать не полагается. Как же так! Почему крещение не меняет людей? Как видно, не по принуждению Русь должна верить в Христа, а по зову сердца. И язычество надо искоренять не насильно, а силою разума! Эта задача занимает все мысли Ярослава. Оттого и кажется он серьезным, мудрым не по годам, но порывистая и безрассудная юность всё равно возьмет свое... Книга является первой частью исторической дилогии известного писателя-историка Валерия Замыслова.

ISBN 978-5-4484-7928-1

© Замыслов В. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	42
Глава 17	45
Глава 18	48
Глава 19	51
Глава 20	53
Глава 21	56
Глава 22	57
Глава 23	64
Глава 24	67
Глава 25	69
Глава 26	72
Глава 27	74
Глава 28	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Валерий Замыслов

Ярослав Мудрый. Русь языческая

Часть первая

Крест Ярослава

Холм был высок и крут, ноги его подгибались, сердце учащенно билось, готовое вот-вот выскочить из груди.

Но он упрямо нес и нес тяжкое бремя, выбиваясь из последних сил. Господь все ближе и ближе, но бремя так тяжело, так гнетет к земле, что каждая отвоеванная пядь¹ кажется ему преодоленной верстой.

«Дойти! Непременно дойти!» – неистребимая мысль стучала в его разгоряченном мозгу.

И вдруг он видит, как с холма стремительно несется на него серый округлый валун.

«То испытание Господне», – успевает подумать он, и тотчас валун ударяется о его колено. Жуткая боль охватывает Ярослава и он... падает.

«Вот и погибель настала, мне так и не дойти до Господа. Тицетны все потуги мои. Господи, прости меня, грешного!»

Спаситель, облаченный в белые одеяния, с терновым венцом вокруг головы, в окружении святых апостолов молча стоял на Голгофе и наблюдал, как он, неся тягостный многопудовый крест, взбирался к Господу. Глаза его строги и испытующи. А Ярослав, преодолевая чудовищную боль, с трудом поднимается, и вновь пядь за пядью сокращает путь к Христу. Теперь он страшится одного, чтобы выдержало сердце, чтобы не оборвалось в одночасье, чтобы не провалиться в вечную тьму, так и не совершив своего последнего деяния.

– Дойти, дойти! – хрипло восклицает он и... предстает перед Спасителем...

Апостолы снимают с его плеч крест, а он падает на колени и устремляет свои измученные очи на Иисуса Христа.

– Нелегка была твоя жизнь, сын мой, но ты прославлял Господа в телесах и душах людей и наводнил языческую Русь православием. Твои новины на целое столетие продвинули вперед державу твою и сотворили из нее самую христолюбивую страну в необъятных землях моих.

– Прости, Господи! Но я шел к тому не только через муки и неустанный труд, но и через грехи и честолюбие.

– Путь к великому, сыне, всегда лежит через муки, страдания и большой труд. Грехи же твои, порой, были тяжкие, но истовые молитвы дошли до меня. Честолюбие же твое не обратилось в гордыню и тщеславие, и было оно здоровым, что дано лишь немногим, и благодаря которому состоялись все твои новины во благо святой Руси. Своей жизнью, делами, поступками, мыслями ты достойно пронес свой нелегкий крест. Остаток же дней твоих...

И на том слова Господа прервались. 78-летний Ярослав Мудрый очнулся от сна, тотчас сошел с ложеницы и встал перед киотом, заставленным образами в серебряных и золотых ризах.

«Что же ты мне не успел досказать, милостивый Господи? Что?»

Горячо помолившись Спасителю, Ярослав Владимирович вновь опустился на ложеницу, и перед ним замелькали картины детства, отрочества и насыщенной трудами молодости.

В те времена Русь была дремотной, громоздкой и неповоротливой. Она вздыхала, ворочалась, порой, отбивала набег степняков, но по-прежнему оставалась окованной тяжелыми

---

¹ Пядь – старая русская мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев.

веригами, находясь в плену древних княжеских и боярских препон и старообрядческих верований.

Князь Владимир, отец Ярослава, дабы окрестить местных язычников, загнал киевский народ в Днепр, но Русь еще на многие десятилетия так и оставалась старообрядческой, особенно Северо-Восточная Русь, отгородившись от Киева непроходимыми лесами и болотами. Нет ни дорог к городам и весям, нет водных путей (на Волге – ни единого русского города), нет безопасного выхода к морям, нет храмов, нет бойкой торговли, нет крепкого, сжатого в кулак, войска...

Южные острожки, поставленные Владимиром Святославичем, стали для печенегов дырявым щитом, набеги происходили каждые два-три года. Земли чуди, веси и меря отошли эстам, ливам и норманнам. Ляхи² вновь отвоевали Червенские города. На Руси – ни единого каменного храма, ни единого духовного училища, ни единого русского священника, ни единого русского святого...

А Русь дремала, лежала улежно, как застойное болото. Не сказались на смене быта Руси и походы на зарубежные земли князей. Они одерживали славные победы, но уклад русичей оставался прежним, каким он и был многие века.

Кому-то надо было разбудить почивавшую Русь, восславить Господа «во благо святой Руси», а для оного многое переменить, возвести, гораздо потрудиться, дабы окрепла, приумножилась и воссияла Земля Русская.

---

² Ляхи – поляки.

Глава 1

Не посрами земли русской!

На четвертом году жизни Ярослав прошел древний обряд «всажения на конь». А было то в цветень³ 977 года.⁴

Великий князь Владимир Красное Солнышко сидел на высоком дубовом кресле и решал: кому «постриг» доверить.

Вокруг толпились бояре из старшей дружины и молодые гридни. Княжеская дружина, как на подбор, – искушенная, закаленная в походах. У многих воинов мужественные лица иссечены шрамами, и каждый из них сочтет за великую честь исполнить древний обряд.

Раздумчивые глаза великого князя встретились с напряженными глазами воеводы Свенельда. На его сухощавом лице много вражеских отметин. В каких только походах он не участвовал! Особенно при отце Владимира, бесстрашном полководце Святославе, кой заставил трепетать не только печенегов, болгар и хазар, но и многие страны Европы.

Варяг Свенельд – высок ростом, крутоплеч, а вот голова его напоминает голое колено: блестящая на жарком полуденном солнце и загорелая, как медь. Взгляд его острых, немигающих глаз как бы говорил:

«Ну же, князь! К чему твои раздумья? Разве в дружине есть человек, который имеет больше ратных заслуг? Да нет и не будет такого! Неужто он, прославленный воевода Свенельд, уйдет посрамленным с этого двора? Такое бесчестие – не для Свенельда. Он бесповоротно покинет Владимира. Он горд и тщеславен, его охотно примет в свою дружину не только другой князь, но и любой чужеземный король. Слава о Свенельде прокатилась по многим землям. Чего ж ты медлишь, князь Владимир?».

Князь поднялся с кресла и торжественно произнес:

– Самая большая отрада для любого отца, когда рождается сын, наследник, продолжатель его рода и его дел. Двойная отрада, когда сын становится мужчиной. И этот час настал! Сегодня Ярослав примет постриг, а затем сядет на коня, и с данной поры он примет из моих рук меч, кой никогда не должен выпасть из его рук. Кончилось его младенчество, и наступил час появления на свет воина!

Владимир вновь обвел светлыми глазами дружину и приказал:

– Приступай к обряду, Свенельд!

Воевода, в знак особого почтения, склонил голову и направился к Ярославу, кой сидел подле отца на маленьком стульце.

Гридень поднес Свенельду острые ножницы.

– Готов ли ты, княжич Ярослав Владимирович, к постригу?

– Готов, Свенельд! – звонко, поблескивая голубыми глазами, отозвался мальчонка.

Великий князь поднял руку, и в ту же минуту загремели языческие бубны.

Свенельд выстриг из головы княжича прядь русых волос, кои закатал в воск.

– Отнесите в терем княгини! – отдал новый приказ Владимир Святославич. – Живо!

Один из старших дружинников, боярин Додон Колыван, скривил рот:

«Ишь, как горло дерет побочный сын Святослава. Робичич, холопище!»

---

³ *Цветень* – древнее название месяца мая.

⁴ По свежим исследованиям историков Ярослав Мудрый родился в 974 году, скончался в 1053. (С. В. Перевезенцев «Тайны русской веры», издательство «Вече» стр. 95.) О том, что Ярослав родился не в 978 году, а на несколько лет раньше, утверждают член-корреспондент В. Т. Пашуто и доктор исторических наук В. С. Шульгин. (Примечания к 1–2 тому Сочинений С. М. Соловьев «История России с древнейших времен», издательство «Москва», 1988 г., ст. 131).

Каждый дружинник ведал, да и только ли дружинник: вся земля Русская знала, что Святослав взял в наложницы простолюдинку, коя и принесла ему «незаконного» сына Владимира.

В живописном городке Любече, охранявшем подступы к Киеву, жил ничем не приметный, бедный горожанин Малко из ремесленной черни, у коего был сын-богатырь Добрыня и красавица дочь Малуша.

Князь Святослав, как увидел дочь Малко, так и отвез ее сразу на свой княжеский двор в Киев. В первую же ночь статная, сероглазая Малуша с густыми шелковистыми волосами, как лен, стала его наложницей.

Мать Святослава, властная княгиня Ольга, и без того недовольная долгими и постоянными отлучками сына (молодой князь почти всё время проводил в походах и в Киеве появлялся редко), сурово сказала:

– И не стыдно тебе, на глазах твоих жен, полюбовницу в терем приводить. Отвези рабу назад!

Святослав в жизни никого не страшился, но строгой матери побаивался. Она права. Жены (во времена языческой Руси князья, бояре и даже небогатые люди держали по несколько жен) и в самом деле скучали по пылкому Святославу, кой предпочел их какой-то девице подлого звания. Но выказать свой гнев супругу они не могли: муж волен делать всё, что захочет. И едва ли он прислушается к словам матери.

Так и произошло. Святослав и на сей раз вышел из послушания Ольги. Слова его были тверды:

– Мне наплевать на жен. Я никогда их не любил. А вот Малушу я полюбил всем сердцем и никогда не отрекусь от нее.

Ольга уже ведала: переубедить сына невозможно: он никогда не бросает слов на ветер. Пришлось смириться.

А Святослав взял на свой двор не только Малушу, но и ее брата Добрыню.

Тот вначале ходил конюхом, и лишь потом стал не слугой, а придворным – стольничал, чашничал девять лет, а затем был назначен дядькой отрока Владимира...

Свенельд поднялся в терем и передал «катушек» княгине Рогнеде. Прядь эту княгиня будет хранить, как зеницу ока, в заветной, драгоценной шкатулке.

Отныне трехлетний малец – мужчина. Теперь возьмут его с женской половины из-под опеки матери, от всех тетушек, мамушек, нянек и приживалок, и переведут на мужскую половину.

И отныне будет у Ярослава свой конь, и меч принесут по его силам, и тугой лук изготовят княжичу в рост. А там, глядишь, и за «аз» и «буки» посадят. Прощай, сынок, к другой ты матери отошел, к державе!

Вслед за тем, как Ярослава посадили на белого коня, и Свенельд провел его за узду вдоль княжеского детинца,⁵ Владимир Святославич протянул сыну маленький меч в золоченых ножнах, усыпанных драгоценными самоцветами.

– То – твой первый меч, Ярослав. А как в лета войдешь, я подарю тебе свой меч, кой принес славу Руси. Верю, что, и ты не посрамишь земли Русской.

– Не посрамлю, отец! – поклонившись и приняв меч обеими руками, возбужденно произнес мальчонка.

– За славного мужа Ярослава! – поднял чашу с греческим вином князь Владимир.

И тут из-за теремов показались гусельники, гудошники и скоморохи – с домрами, волынками, сопелками, зурнами, бубнами.

И грянул пир на весь мир!

---

⁵ *Детинец* – центральная укрепленная часть древнерусского города, обнесенная деревянными или каменными стенами.

Глава 2

Лети, конь златогривый!

Полюбился Ярославу конь, зело полюбился! Спит и грезит Орликом.

На седьмом году жизни пришел в покои отца и сказал:

– Хочу на коне скакать!

– Да ты ж по детинцу едешь, сынок.

– По детинцу худо, отец. Боярские хоромы, поварни да конюшни. Развернуться негде.

Дядька все уши прожужжал: в степь⁶ бы тебя, Ярослав, вот там простор!

Владимир Святославич довольно глянул на сына.

– Добро, Ярослав. Выведу тебя на простор. Эгей, слуги, пригласите мне Свенельда!

Воевода вывел из конюшни нового коня.

– А чем Орлик плох?

– Орлик – не боевой конь, не скакун. А этот косоогских кровей. Гордый, строптивый и скакун отменный. Его и кличут «Гордый». Помчишься со мной в поводу.

Выехали из города к Днепру. Вдоль реки тянулись пышные зеленые дубравы, раздольные луга в цветущем пахучем дикотравье.

– Лепота!⁷ – воскликнул Ярослав.

С версту кони бежали рысью. Ярославу сие не приглянулось. А еще Гордым называется. Тащится, как лошаденка смерда.

– Поедем в степь, Свенельд. На простор хочу!

– Но то верст через пять. Не устанешь, княжич?

– Это на коне-то? Поехали.

Оказавшись на просторе, Ярослав приказал:

– Отпусти повод, Свенельд. Ныне один скакать хочу! Один!

– А испуг не войдет в твое сердце? Конь под тобой непокорный.

– Какое там! Он ползет, как сонная муха. Отпусти, Свенельд!

– Воля твоя, княжич. Но не вздумай Гордого плеткой ударить.

– Отчего так?

– То позволительно лишь мужественным наездникам.

– И я мужественный! – отозвался Ярослав и задорно гикнул на коня.

– Гей, Гордый! Стрелой лети!

Конь, не чуя под собой всадника, стремительно полетел по степи.

Ярослава обуял страх. В широко раскрытых, напуганных глазах его кроваво замелькали красные маки.

Конь вдруг резко скакнул в сторону, и Ярослав чудом удержался в седле. К невысокому холму шарахнулась косуля.⁸ Мальчуган, забыв про узду, клещом вцепился за гриву, и с этой минуты боязнь начала его покидать.

Как быстро и сказочно мчит его конь! Как славно лететь по степному простору!

Ярослава, позабывшего обо всем на свете, захватил буйный мальчишеский восторг. Он – на коне! На огневом, быstroногом коне! Сколь мечтал об этом, сколь завидовал юным гридням, лихо скачущим к княжескому терему.

Неси, неси, конь златогривый! Неси в манящую даль.

– Ги, ги! – ликующе закричал Ярослав и в порыве восторга хлестнул плеткой коня.

---

⁶ В древние времена под Киевом имелись земли, напоминающие степь.

⁷ *Лепота* – красота.

⁸ В описываемые времена в южных киевских землях обитали и степные косули.

Гордый, не приученный к плетке, тонко заржал, захрапел, вздыбился и... сбросил княжича оземь.

Когда к Ярославу примчал Свенельд, тот лежал ни жив, ни мертв. По щеке княжича струилась кровь.

По сухощавому лицу варяга пробежала зловещая ухмылка, но тут он припомнил слова Владимира:

«Ни на пядь не отпускай от себя Ярослава. Головой отвечаешь».

И надо же такому приключиться!

– Жив, княжич?

– Жив, – открыв глаза, тихо отозвался мальчонка.

Свенельд краем длинной белой рубахи принялся стирать с лица княжича кровь.

– Слава богам! На лице твоём лишь ушибы. Ну, зачем же ты ударил коня?

– Забылся.

Свенельд поставил Ярослава на ноги, но тот громко вскрикнул и повалился на траву.

– Что с тобой?

– Нога... Что-то с ногой, Свенельд, – морщась от боли, отозвался Ярослав.

Варяг сорвал с княжича сафьяновые сапожки, малиновые портки и увидел окровавленное колено.

– О боги! Немедля поехали к лекарю.

С того дня Ярослав стал прихрамывать на правую ногу.

Великий князь приказал заточить Свенельда в поруб.⁹

---

⁹ Поруб – сруб, опущенный в землю для преступников.

Глава 3

Поруб

Черно, хоть глаз выколи.

Глухо, словно в могиле.

Холодно, будто в погребке.

Он лежит на жухлой соломе и каком-то тряпье, но здесь даже уснуть невозможно: стоит затихнуть, как по тебе начнут рыскать голодные мыши.

Свенельд скрипит крепкими, как камень, зубами. В нем кипит ярость. Ярость на Владимира. Как он посмел кинуть в поруб знаменитого воеводу, правую руку князя Святослава, чьими победами до сих пор восхищается весь мир. А кто помог принести эти победы? Он, Свенельд, бесстрашный конунг,¹⁰ славный сын бога богов Вотана. Его беспощадный меч не знал усталости. Он разил хазар и печенегов, болгар и ромеев. Его тяжелая рука в железной чешуйчатой перчатке всегда была по локоть в неприятельской крови. Его рыцарское копье пронзило сотни вражеских грудей, его острый кинжал отрезал головы раненых, а те издавали последние предсмертные крики, что особенно возбуждало Свенельда.

Но Святослава это почему-то корбило. Он даже бранился:

– Ты похож на мясника, Свенельд. Отрезать голову умирающему воину – не великая честь. Сие дело грязное и постыдное. Еще раз увижу – накажу!

Суровы были глаза Святослава, и Свенельд понимал, что полководец дважды не повторит своих слов. Он – настоящий воин. Будь он варягом, его бы воспели в сагах. Дружина беспрекословно повинется всем его приказам и готова Святослава на руках носить.

А вот варяги? Они составляли седьмую часть войска, и сами напросились к великому князю Киевской Руси.

Святослав заплатил хорошие деньги и веско сказал:

– Станете отменно сражаться, заплачу вдвое.

Блеск золота затмил извечную осторожность наймитов, и они сполна получили обещанную награду.

Свенельд уважал и... недолюбливал Святослава. Ревновал к его славе, его угнетало подчиненное положение. Он сам хотел властвовать и наслаждаться победами.

Но какие бы подвиги ни совершал Святослав, он, Свенельд, оставался в тени: Азия, Восток, Византия и Европа превозносила только полководца Святослава.

Пришло время, когда неприязнь переросла в ненависть. И Свенельд предал Святослава. Узнав о засаде печенегов, он ничего не сообщил об этом полководцу и увел своих викингов в Киев.

Владимир не встретил его с распростертыми объятиями: его не удовлетворял рассказ Свенельда, кой поведал, что послан Святославом за подмогой. У того оставалась горстка воинов, и никакая помощь уже не успевала. Отряд Свенельда должен был остаться на порогах.

Свенельд чувствовал холодок великого князя, и мечты стать ближним придворным Владимира повалились. Ненависть к отцу перешла на сына.

А тут еще и Ярослав подвернулся. Настырный мальчишка! Победрами Святослава грезил. Рос смелым и отчаянным. Княжеский двор показался ему малым, на простор напросился.

Свенельду то на руку. Пусть княжич прокатится, да так, чтоб шею себе сломал. Не нужны варягам потомки Святослава. Им надобны покорные князья, из которых можно веревки вить. Что не удалось Рюрику, возможно удастся Свенельду. У него уже есть хитроумный план, как с

---

¹⁰ *Конунг* – у скандинавских народов в средние века – военный вождь.

помощью немцев и поляков поколебать могущество Владимира, а затем и скинуть его с киевского стола.

Жаль, что Ярослав расшиб лишь колено. Этот храбрый мальчонка ни о чем не догадался, а вот Владимир почуял неладное и, неожиданно для многих вельмож, бросил воеводу в поруб.

Свенельд грохнул по бревну сруба, опущенного в глубокую яму, кулаком и резко вскинул ноги в кожаных портках. Мыши юркнули в солому, но не пройдет и двух минут, как они вновь полезут на узника. Они малы, но голодны, у них острые хищные зубы, которыми перегрызают даже дерево.

Свенельд как-то видел, как из поруба вытянули мертвеца с объеденным лицом.

В порубе не только холодно и сыро, но и пахнет человеческим зловонием. Свенельду приходится ходить по нужде в угол сруба. Проклятье! И такое унижение приходится терпеть самому именитому конунгу! Ты будешь жестоко отомщен, Владимир. Если бог Вотан поможет выбраться из этой вонючей ямы, то он соберет свою тысячу викингов, нападет на дворец и избьёт Владимира в куски.

У Свенельда засосало под ложечкой: желудок взывал к пище. Пора спускать обед.

– Караульный!

Гробовая тишина.

– Караульный!

Но голосу из кромешной тьмы через дубовые стены и дубового потолка-настила наружу не пробиться. Да и караульного нет: узник никуда не денется; никто не посмеет вызволить его из поруба без приказа великого князя.

Стражник сидит в особой караульне, защищающей его от непогоды – дождя, метели, зимней стужи. Караульня срублена в «обло»,¹¹ о десяти венцах. Внутри – глинобитная печь и единственное оконце, выходящее на темницу.

Служба в караульне – одна из легких, и служит в ней отрок из младшей дружины. Утром, в полдень и вечером к нему приходит «малый» из княжеской поварни и приносит снедь. Добрая снедь, сытная, кожаный ремень, опоясывающий чрево, не обвиснет.

Другое дело – кормление узника, но оно скудное. Отобедав, стражник не спеша ступает к порубу, острием копья втыкает в единственное отверстие деревянной задвижки древко и спускает по веревке жидкое варево в железной посудине, – то щи из капусты или из рыбных голов, то похлебку на горохе. Но прежде летит в поруб ломоть ржаного хлеба. Тут – самая забава для стражника. Он не любит варягов, кои наглы и разбойны, то и дело буянят на улицах Киева.

Стражник старается запустить ломоть в тот угол, из коего исходит тяжелый дух, а узник изо всех сил пытается изловить хлеб руками. Он отчаянно ругается, сыплет на голову караульного проклятия, но того и в три дубины не проймешь, знай зубы скалит.

Вместо меда и пива – баклага квасу. Никакого второго «блюда» узнику не положено, как не положены ему завтрак и ужин.

В послеобеденный час задвижка в деревянном настиле закрывается, и вновь поруб погружается в темь. Узник остается наедине сам с собой, со своими неутешными мыслями. Обросший, полуголодный, с воспаленными от бессонницы глазами. Через неделю-другую его начинают одолевать недуги, тело становится немощным, всё беспомощнее он отбивается от грызунов. Мысли притупляются, угасают.

Князь Владимир посадил Свенельда в ужасный поруб, кой назывался «холопым». Однако были у Владимира и другие узилища – «тиунский» и «гридник». Если в первый он сажал смертников, то во второй – «годовиков», коему сидеть двенадцать месяцев. Из такого – каждый день убирали нечистоты, кормили три раза, в полудень поднимали крючьями пото-

---

¹¹ *Обло, облый* – круглый, закрученный. *Рубить в обло* – вырубать полукруглый паз в бревне для поперечного бревна.

лочный настил, дабы узник подышал чистым воздухом, а чтобы он не замерз, в поруб кидали овчинную и медвежью шубы. Грызунов в тиунском порубе не было.

В таком узилище мог сидеть кто угодно – от холопа до боярина – лишь бы он не совершил проступок, кой бы привел в гнев князя Владимира. Здесь сидели за провинности, кои не угрожали ни семье великого князя, ни державе.

Гридник же – поруб для избранных, вернее, для членов княжеской семьи. В глубокую и широкую яму опускали сразу два сруба. Один был теплый, с глинобитной печью, с ложницей и с висячим слюдяным фонарем, кой освещался восковой свечой, другой – холодный, в коем размещали для узника липовые кадушки с медом и солониной, берестяные туески с яблоками и грушами. По праздникам в поруб спускали даже вино. В таком порубе узник мог жить долгие годы.

Приказ Владимира для его бояр показался чересчур жестоким. На Свенельде, кажись, и повинной нет. Княжич Ярослав был предварен, что нельзя хлестать плеткой горячего скакуна, а он хлестнул, вот и понес его конь.

Но Владимир усмотрел в действиях Свенельда злой умысел: и спокойного коня заменил на строптивого, и ненужное слово подкинул княжичу преднамеренно. Кой же мальчонка не ощутит себя мужчиной, оказавшись на резвом, огневом скакуне? Несомненно, Свенельд должен ведать о последствиях, и он едва не лишил жизни сына великого князя. Аль не державная поруха?

Вот и пусть посидит Свенельд в «холопьем» порубе.

* * *

Две недели подле Ярослава находился княжеский лекарь Арсений. Натирал колено полезительными мазями, успокаивал:

– Слава Перуну,¹² что ногу от перелома уберег. Малость хромать будешь, но то не беда. На пирах в пляс пойдешь.

Часто к Ярославу заходил отец. Младший сын был его баловнем. Сейчас он один в его большом княжеском дворце. Старший сын сидел в Новгороде, второй сын – в Пскове.¹³

Владимир Святославич осматривал ногу, бранил за недосмотр Свенельда и также подбадривал Ярослава:

– Считаю, сын, что ты принял первое боевое крещение. Раны, синяки и ушибы украшают мужчину. Я хочу тебя видеть славным полководцем.

– Как Свенельд?

Лицо великого князя подернулось хмурью.

– Никогда не упоминай мне об этом варяге. У тебя есть с кого брать пример. Мой отец, а твой дед до сих пор почитается непревзойденным полководцем. А ну-ка пойдем в мои покои.

Владимир взял сына за руку и повел в свою ложницу. На бревенчатых стенах, застланных яркими коврами, было развешено оружие.

У Ярослава загорелись глаза. Чего тут только не было! Боевые топоры, копья, мечи, щиты и сабли, щедро украшенные позолотой и самоцветами.

– То оружие князя Святослава, добытое им у врага. Пройдут века, но слава о подвигах величайшего полководца не исчезнет из памяти людской. Твой дед погиб¹⁴ за два года до твоего рождения. У Руси осталось еще зело много недругов, и я хочу верить, что внук Святослава достойно продолжит его дело и умножит русские пределы. Но для оного, Ярослав, ты должен

---

¹² *Перун* – главный бог славянских язычников; бог войны, грома и молнии.

¹³ Всего же у великого князя Владимира будет 12 сыновей.

¹⁴ Святослав был убит печенегами в 972 году.

весьма подробно узнать жизнь полководца, дабы в будущих войнах с врагами применять его ратное искусство и не повторять его редкие оплошки.

– Поведай мне о Святославе!

– Добро, сынок. Я повелю привести к тебе знатного книжника и летописца Феофила, кой и поведаст тебе о жизни твоего деда.

Глава 4

Отец Святослава

Святослав, рожденный от княгини Ольги в 938 году, был первым князем славянского имени. Отрочество его было далеко не безмятежным.

Отец, князь Игорь, заметно постарел, и не только перестал ходить в походы, но и выезжать за данью, поручив сие важнейшее дело своему молодому воеводе, варягу Свенельду. И тот столь разбогател в поездках по полюдью, что заимел личную дружину из тех же варягов.

Обычно, отправляясь за данью, князья начинали объезд населения с поздней осени и кончали его к началу весны, когда вскрывались реки.

В 945 году князь Игорь вновь послал за данью в Древлянскую¹⁵ землю Свенельда. Тот вернулся с богатой добычей. Юный Святослав своими глазами видел, как дружинники Игоря возмутились. Они пришли к князю и с укором сказали:

– Князь, мы вконец обеднели, а варяги изоделись оружием и портами. Пойдем и мы к древлянам.

Игорь прислушался к дружине и отправился в полюдь. Древляне в другой раз были ограблены. Но Игорю показалось этого мало, и он, отпустив большую часть дружины, пошел за данью в третий раз.

Древляне сказали ему:

– Князь! Мы всё заплатили тебе сполна. Зачем ты вновь пришел к нам?

– Такова моя воля! – гордо отвечал Игорь. – И не вашему, подвластному мне народу, ведать меру дани.

Ослепленный корыстолюбием, Игорь пошел в глубь земли. Древлянский князь Мал, собрав в Коростене своих воинов, произнес:

– Надо убить хищного волка, ибо всё стадо будет его жертвой.

Немногочисленная дружина Игоря была перебита, а самого князя привязали к двум деревьям и разорвали надвое.

Святослав впервые увидел рыдающую мать, коя задумала жестоко отомстить восставшему племени.

---

¹⁵ *Древляне* – союз восточнославянских племен в VI–IX вв., к северу до реки Припяти, между реками Случь и Тетерев. С конца IX века данники Киевской Руси. После Древлянского восстания 945 г. полностью подчинены киевскому князю.

Глава 5

Серчает отрок Святослав

Древляне же, гордясь убийством, как победой, и презирая малолетство Святослава, вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их князь Мал женился на вдове Игоря.

Мал отрядил к Ольге двенадцать послов. Те уселись в ладью и поплыли по Днепру к Киеву. Пристав к берегу, послы сказали вдове:

– Мы убили твоего мужа за его хищность и грабеж. Но князя древлянские добры и великодушны, их земля цветет и благоденствует. Будь супругой нашего князя Мала.

Ольга ласково отвечала:

– Мне приятна ваша речь, древляне. Завтра окажу вам должную честь. Теперь же обратитесь в свою ладью, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках.

Между тем Ольга приказала выкопать на дворе глубокую яму. Послы же, ожидая утра, сидели в ладье, поджидая людей княгини; и когда те появились, древляне сказали:

– Не хотим ни идти, ни ехать. Несите нас в ладье, как сулила княгиня.

– Добро, – покорно отозвались киевляне. – Мы люди подневольные. Игоря нет, а княгиня наша хочет быть супругой князя вашего Мала.

И понесли послов в детинец.

Ольга стояла у окна терема и наблюдала, как древляне кичились в судне, не предвидя своей гибели, ибо люди княгини бросили их вместе с ладьей в яму.

Ольга вышла из терема, подошла к яме и спросила:

– Довольны ли сею честью?

Древляне, догадываясь, что с ними сейчас произойдет, принялись отчаянно раскаиваться в убийстве князя Игоря, но было поздно: Ольга приказала засыпать послов землей. К древлянам же послала гонца с наказом:

– Пусть приедут ко мне более знаменитые мужи, ибо народ киевский не отпустит меня к Малу без его торжественного и многочисленного посольства.

Именитое и людное приехало посольство.

По древнему славянскому обычаю для древлян была изготовлена баня, в коей они и были сожжены. И вновь Ольга послала к Малу (тот о казнях своих соплеменников ничего не ведал) нового посла.

– Молвишь князю, чтобы варили меды и готовились к свадьбе в Коростене. Через неделю я выезжаю к Малу.

К матери пришел Святослав и спросил:

– Ты на самом деле хочешь привести ко мне отчима?

– Клянусь богом, Святослав, этого никогда не произойдет. Я жестоко отомщу древлянам за смерть твоего отца.

– Но ты и так уже жестоко отомстила, матушка. Я всё видел.

Ольга положила на голову княжича руку и молвила:

– Запомни, сын: моя жестокость вынуждена. Под дланью Киева находится много славянских племен, и если я проявлю к древлянам кротость, то и другие племена начнут поднимать на Киев меч. Я должна всем показать могущество и силу.

– Хитростью и коварством, матушка? Я бы доказывал свою силу в открытом бою, предварив о своем походе врага.

Ольга глянула на восьмилетнего сына с некоторым удивлением.

– Не по годам взрослеешь, Святослав. Но ты высказываешь диковинные вещи. Среди славян не было еще князя, кой бы предупреждал недругов о своем выступлении. Поверь мне – и ты станешь таким.

– Не стану! Не хочу быть коварным и жестоким! – дерзко выкрикнул Святослав и выбежал из светлицы матери.

Ольга лишь головой покачала.

Глава 6

Местъ княгини Ольги

Княгиня прибыла с дружиной к лесному городу Корстену, оросила слезами прах Игоря, приказала насыпать высокий курган над могилой и совершила тризну.

Затем началось пиршество. Дружинники угощали древлян, кои вздумали, наконец, спросить о своих послах, на что получили ответ: послы в добром здравии находятся в Киеве.

Скоро крепкий мед омрачил головы опрометчивых древлян. Ольга удалилась и подала знак своим воинам. Убитые древляне легли вокруг Игоревой могилы.

Ольга поспешно возвратилась в Киев, и тогда вся древлянская земля, изведав о страшной казни соплеменников, решила подняться на стольный град княгини.

Ольга собрала большое войско и выступила с ним против древлян, уже наказанных хитростью, но еще не покоренных силой.

В челе войска шла не только сама княгиня, но и младой Святослав, подле коего находился Свенельд, воевода Игоря.

Оба тесных строя сошлись на бросок копья, – последние шаги перед рукопашной. Древляне медлили: все еще надеялись на милость.

Бывалый Свенельд точно уловил решающий миг: пора!

Воевода подал Святославу взрослое, тяжелое копье.

– Начинай сражение, княже.

Тот бросил его на врага.

– Князь уже начал! – воскликнули Свенельд.

Он не зря стоял конь о конь со Святославом. Когда тот бросил копье, оно не полетело в ряды древлян, а, проскользнув меж ушей коня Святослава, упало возле его ног.

Святослав был еще ребенком, но перед боем соблюдался древний дружинный обряд: «князь уже начал!»

Древляне бежали с поля брани и затворились в своих городах. Чувствуя себя виноватыми перед княгиней, жители Коростена отчаянно оборонялись целое лето.

И тогда Ольга прибегла к новой выдумке:

– Для чего вы упорствуете? Все иные ваши города уже покорились мне, и жители их мирно возделывают свои земли. А вы хотите умереть голодом. Не бойтесь мщенья! Я никого не стану карать.

Древляне предложили Ольге в дань мед и кожи зверей, но княгиня, будто бы из великодушия, отказалась от сей дани, и пожелала заполучить с каждого двора по три голубя.

Древляне с удивлением исполнили ее требование и с нетерпением ждали, чтобы киевское войско удалилось.

Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все их жилища. Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серой к птицам и пустить их на волю.

Устрашенные жители хотели спастись бегством, и попали в руки Ольгиных воинов. Великая княгиня осудила некоторых старейшин на смерть, других на рабство, а прочих обложила тяжелой данью.

Ольга вновь спросила Святослава:

– Доволен ли ты, сын.

– Нет, матушка, – откровенно отвечал Святослав. – Ты вновь применила коварство.

– Опять ты за своё, – огорчилась Ольга. – На войне без выдумки и хитрости нельзя. Я тебе уже как-то рассказывала, как от ухищрений ромеев¹⁶ сгорели десять тысяч наших ладий, сожженных греческим огнем¹⁷ под стенами Царьграда. То было за три года до твоего рождения. Удалось спастись лишь десяти ладьям. Десяти!

– Но это не коварство, матушка, а блестящая военная выдумка византийцев. Честь им и хвала!

– Хотелось бы посмотреть, как ты будешь биться, когда в лета войдешь.

– Посмотришь, матушка. Я быстро подрасту.

Великая княгиня загадочно улыбнулась. С юным Святославом она объехала все Древлянские земли, вводя дань в пользу киевской казны.

Покорив в 946 году древлян в Правобережье Днепра, Ольга двинулась по всей земле, подвластной Руси, и учредила новую систему погостов, оброков и даней.

---

¹⁶ Ромеи – греки, византийцы.

¹⁷ Греческий огонь – зажигательная смесь из смолы, нефти, серы, селитры и других, применявшихся в VII–XV вв., в морских боях и при осаде крепостей с помощью метательных машин и специальных медных труб. Вода не гасила Греческий огонь.

Глава 7

Упрямство Святослава

Слово «погост» поначалу означало стан для дружины, собирающей дань. Ольга же заменила полюдьё порядком особых мест, куда свозилась дань. Эти места – города, городки и погосты – уже бытовали в девятом веке на самом пути «из варяг в греки», и на Волжском пути, в Верхнем Поволжье.

Ольга расширила и упорядочила сбор дани по Днепру и Десне в Левобережье – в землях, подчиненных русским князьям. Новые *погосты*¹⁸ были введены также на Новгородском Севере Руси, по рекам Мсте, соединяющей Поволховье с Верхним Поволжьем, и Луге, впадающей в Финский залив.

Останавливалась Ольга и в Пскове – ее родном городе – на реке Великой, сплачивающей путь из варяг в греки с Чудским озером. На весь этот путь, как становой хребет Древнерусского государства, Ольга распространила новый державный порядок.

Тогда же, в половине десятого века, начался расцвет торгово-ремесленных поселений на тех водных путях, по коим проходил путь Ольги.

Утвердив внутренний порядок Руси, Ольга возвратилась к Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в покое. Она достигла уже тех лет, когда смертный видит близкий конец и чувствует суетность земного величия. Лишь истинная вера служит ему опорой или утешением в печальных думах о бренности человека.

Ольга была язычницей, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве.

Здесь, наряду с языческими идолами, была срублена первая церковь Ильи Пророка. Ольга видела торжественность христианских обрядов, иногда из любопытства беседовала с церковными пастырями и, будучи одарена редким умом, уверилась в святости их учения.

Очарованная новой религией, Ольга сама захотела быть христианкой и отправилась в столицу империи и веры греческой, дабы познать ее в самом источнике.

Византийский патриарх стал ее наставником и крестителем, а император Константин Багрянородный – восприемником от купели. Это произошло 9 сентября 955 года. Ольге тогда было уже не менее шестидесяти лет.

Великая княгиня, вернувшись в Киев, восхищенная новой верой, спешила открыть сыну заблуждения язычества, но юный и гордый Святослав и не помышлял внимать ее наставлениям.

Напрасно Ольга говорила о счастье быть христианином, о мире, коим наслаждалась ее душа с того времени, как она познала истинного Бога. Но все ее усилия были тщетны.

– И не старайся, матушка. Я верю в языческих богов, в коих верит весь славянский народ. Я не хочу, чтобы дружина посмеялась надо мной.

– Но твой пример склонил бы весь народ к христианству, – упорствовала мать. – Поверь мне, минует несколько лет, и истинная вера проникнет в душу каждого русича.

– Сомневаюсь, матушка.

Святослав был непоколебим и всю свою жизнь следовал обрядам язычества. Правда, он не воспрепятствовал никому креститься, но выказывал неприкрытое презрение к христианам и с досадой отвергал воззрения матери.

Сей князь, возмужав, думал исключительно о подвигах, усердно пылал отличить себя великими победами, дабы возродить славу русского оружия.

И всё это свершилось!

---

¹⁸ *Погосты* – со времен княгини Ольги – административно-хозяйственные пункты.

Глава 8

Хазары сломлены

Святослав приучил себя к суровой жизни. Он не имел ни станов, ни обоза; вместе со своей отважной дружиной разделял все лишения и неудобства ратной жизни. Он ходил налегке – «аки пардус» (барс), не имел даже котла, мясо не варил, а тонко нарезал конину или другое мясо диких зверей, и сам жарил его на углях.

Князь не возил с собой походного шатра. Он презирал хлад и любую непогодицу, и спал под открытым небом; подседельный волок служил ему вместо мягкого ложа, седло – изголовьем. К тому же он приучил и всех своих воинов.

Древняя летопись сохранила для потомства еще одну черту его редкостного нрава: Святослав не намеревался воспользоваться выгодами нечаянного нападения, и всегда заранее оглашал войну народам, повелевая им сказать: «Иду на вас!»

Во времена общего варварства гордый Святослав следовал правилам истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги – первая область его ратных шагов. Он покорил вятичей, кои еще признавали себя данниками хазарского хана. «По шелягу с сохи им давали».¹⁹

Перезимовав в землях Камской Булгарии, Святослав спустился вниз по Волге, и нанес страшный удар Хазарскому каганату,²⁰ захватив крепость Итиль и второй крупный город Хазарии – Белую Вежу (Саркел), крепость, возведенную хазарами для защиты от печенегов.

Поход на хазар – это большая война, коя развернулась на огромном пространстве, от Камы до низовьев Волги, Северного Кавказа и Крыма. Святослав проявил себя как одаренный полководец, может быть, крупнейший стратег всей этой напряженной поры военных походов, завоеваний, борьбы с кочевниками, арабами, норманнами...

Разгром каганата был отменно продуман и столь же блистательно исполнен. Первый поход на север, в землю вятичей и камских болгар отрезал от каганата вероятных союзников и снабдил надежный тыл. На другой год удар Святослава вниз по Волге не позволил противнику собрать силы обороны.

От разрушительного удара Святослава каганат уже не оправится. Святослав же, пройдя по северному Кавказу, подчинил прежних хазарских данников – ясов и кософов,²¹ укрепил Тмутороканское княжество – то есть торговый путь по Дону через Азовское море – и влияние Руси в Крыму.

Хазария была помехой торговли с Востоком. Хазария – извечный противник разраставшегося и окрепшего Киевского государства. Полукочевые хазары держали в руках устье Волги, замыкая торговый путь в Среднюю Азию, на легендарные базары Багдада и дальше – до Индии.^{22,23}

Хазария и Византия были едины в том, чтобы отрезать Русь от торговли по Волге, Дону и Днепру... Столкновение с ними было неотвратимо для Киевской Руси...

---

¹⁹ Этот *шеляг*, видимо от латинского «солида», постоянно идет мерой дани с «сохи» или с «дыма». Своей монеты Русь еще не чеканила. Византийский же солид весил 4,5 грамма золота.

²⁰ *Каганат* – государство, которое возглавляет каган.

²¹ *Ясы* и *косоги* – предки современных осетин и черкесов.

²² Таков важный политический итог похода Святослава на Хазарию.

²³ Знаменитый путешественник – Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств» сообщает: «В наше время (это написано в 977–978 годах) ничего не осталось ни от болгар, ни от бургасов, ни от хазар. Дело в том, что на них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области». И продолжает, что те, кто спасся от нашествия, рассеялись по соседним областям и теперь надеются заключить с русами договор и вернуться обратно, но же «под их владычество».

В Крыму был особый узел противоречий. Здесь напрямую сходились интересы Руси, Византии и Хазарии. Крым важен и в торговле, и стратегически – для всего Причерноморья. По просьбе жителей крымского города Климаты, Святослав берет их земли под свое покровительство.

Крым, бывший под влиянием Византии, начинает тяготеть к Руси.

Немедленно за разгромом каганата последовал неожиданный и стремительный бросок Святослава за тысячи верст от низовьев Волги – на Дунай, кой произошел в августе 968 года.

Глава 9

Блестящие победы деда Ярослава

Византийский император Никифор Фока был крайне недоволен болгарским царем, кой не захотел становиться поперек дороги венграм в их нередких нападениях на Грецию. Но дело было не в венграх, а в ходком росте Болгарского государства, кое стало опасным для самой Византии. Царь Симеон называл себя не только царем Болгар, но и самодержцем ромеев, выка-зывая этим титулом притязания на императорскую власть.

Никифор Фока разработал план завоевания Болгарии. Для этой цели он надумал использовать князя Святослава, чьи блистательные походы приводили в изумление византийцев. Все сходились в одном суждении: после Александра Македонского не было столь выдающегося полководца. Он действует так искусно и стремительно, что ни одно государство не может сдерж-жать его неукротимого удара.

Но и Болгария – крепкий орешек, – раздумывал император самого могущественного государства. – Святослав, как бы он не был доблестен, измотает свои войска и обескровит Болгарию. Об этом-то и грезил Никифор: два сильных соседа ослабят друг друга, а Византия воспользуется их войной и возродит свои прежние рубежи. Лишь бы урезонить Святослава. Надо послать к нему наместника Херсонеса,²⁴ Каликора, человека умного и хитрого, который привезет Святославу золото, много золота.

Но 1500 фунтов золота не были столь значимыми для молодого полководца: богатство, добыча никогда не были смыслом его жизни. Он рвался в новые походы. И первый же поход Святослава в Болгарию рассеял надежды Византии. Русский «пардус» быстро захватил 80 горо-дов, проник в центр Болгарии и в самом южном месте Дуная, в городе Переяславце, решил обосноваться, надумав создать себе особое Придунайское княжество, оправдывая свои доводы тем, что сюда все блага сходятся.

Перед Болгарией встал вопрос: кто для нее опаснее – Византия или Русь? Болгары пошли на соглашение с Русью, ибо Святослав не видел никаких причин помогать ромеям.

Император Никифор Фока просчитался. Константинополь (Царьград) переживал нелег-кие дни. Дворец кипел интригами и страстями. Влиятельная императрица Феодана убила сво-его супруга и ввела на престол видного полководца, своего пылкого любовника Иоанна Цимис-хия. Ему довелось принимать новые меры. Он вошел в переговоры с печенегами и науськал их на захват Киева, надеясь отвлечь кочевников от своих крымских владений и вместе с тем заставить Святослава уйти с Дуная.

Изведав, что кочевники осадили мать городов русских, Святослав в считанные дни при-шел к Киеву и избавил его от осады печенегов.

Ратные подвиги Святослава заслоняют князя – дипломата и политика. Святослав же стра-тегически и политически продуманно обеспечивает Руси выход в Каспий, к торговым путям на Восток и тут же перехватывает низовья Дуная. Главный торговый путь Европы – Дунай – попадает под влияние Руси. Нелегко понять, как мог, в сущности, у еще молодого человека, сложиться такой отчетливо точный план, собирающий в руках Киева важнейшие торговые пути Европы. План грандиозный, выполнен он был даровито, решительно и удивительно быстро, практически молниеносно.

После победы над печенегами постаревшая Ольга просила сына остаться дома, но Свя-тослав заявил:

---

²⁴ *Херсонес* – Корсунь.

– Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, поелику там середина моей земли. Там всё доброе сходится. Из Греции поступает золото, шелк, вина и фрукты, из Чехии и Венгрии – серебро и лошади, из Руси же – меха, воск, невольники.²⁵

Мать была огорчена ответом Святослава. Она скорбно молвила:

– Умру я скоро, сын. Погребви меня, и тогда иди, куда хочешь.

– Зачем же так, матушка? Тебе еще жить да жить.

Но слова Ольги оказались пророческими. Она скончалась на четвертый день. Перед смертью Ольга запретила справлять по себе языческую тризну, и была погребена христианским священником.

Предание нарекло Ольгу *Хитрой*, церковь – *Святой*, история – *Великой*. Отомстив древлянам, она сумела соблюсти покой в Киевской Руси и мир с чуждыми странами до совершенного возраста Святослава. С деятельностью великого мужа учреждала порядок в обширном государстве; не писала законов, но давала уставы, самые простые и самые нужные для русичей. Великие князья до времен Ольгиных *воевали*, она же *правила* державой.

Уверенный в мудрости матери Святослав и в своих мужских летах оставлял ей внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, кои удаляли его от столицы. При Ольге Русь стала известной в самых дальних странах Европы.

И вот в 969 году великой княгини не стало. Ольгу отпевал христианский священник, а ее сын смотрел на главного бога язычников Перуна.

Святослав, и большинство киевлян сумрачно наблюдали за новым обрядом, на коем священнодействовал христианин в черной длинной рясе. Что он творит, этот пришелец из Греции, ломая древние устои Руси? Боги его покажут. Нужна славянская тризна и огромный костер, в коем должна быть сожжена Ольга. В пламени душа великой княгини отлетела бы в верхний мир, к богам. Их множество – славянских, чудских, варяжских...

И все же из глаз Святослава скользили слезы. Он любил свою мать. Отца своего, князя Игоря, он почти не запомнил, а вот с матерью он провел все свои младенческие и отроческие годы.

Ольга овдовела еще очень молодой женщиной. Святослав – ее первенец и единственный ребенок. Воспитывался он под Киевом в Вышгороде, где была резиденция – «город» – замок княгини, и в дружине Свенельда, отцовской гвардии, состоявшей из варягов, убежденных язычников, веривших в оружие и клявшихся им.

В Вышгородской крепости, в суровом воинском быте дружины и вырос настоящий богатырь, кой был крайне неприхотлив, стремителен, более всего ценил воинские доблести и ту честь битвы, коя требовала, чтобы война была оглашена, дабы противник знал о предстоящих сечах. Неприятель мог собрать и укрыть мирное население. Именно того и желал Святослав – избежать излишних жертв, и в ту эпоху подчинения племен, достигавшегося мечом и копьем, в таких войнах и коротких схватках врукопашную, доподлинно определялось: кто есть кто, кто кому вынужден быть подчинен и платить дань.

---

²⁵ Эти слова некоторые историки неправильно понимали в смысле желания Святослава навсегда покинуть Киев и основать для себя новое государство на юге. Между тем, весь характер деятельности Святослава и обстоятельства, вызвавшие поход на юг, показывают, что его целью было закрепление за Киевской Русью Придунайской области с выходом в Черное море, экономическое значение которой он ясно выразил в приведенных словах. Обладание территорией в непосредственном соседстве с империей дало бы большие преимущества в борьбе с Византией, притязавшей на полнейшее экономическое и политическое господство в черноморском бассейне... Некоторые историки (С. Бахрушев, С. Юшков) характеризовали Святослава как «вождя бродячей дружины, постоянно ищущего добычи и славы военного авантюриста». Такие утверждения неправильны уже по одному тому, что Святослав стоял во главе многих народов Восточной Европы и, прежде всего, восточного славянства, водил в походы, как нам известно, не только дружину, но и многочисленное войско. В Болгарию он вел 60 тысяч человек. Это уже не дружина. Венгры признали Святослава своим вождем и под его начальством сражались в решительной битве под Аркадиополем. Святослав ходил на Болгарию не из склонности к бродяжничеству, а в итоге сложной международной обстановки. Наконец, во всей внешней политике Святослава, как и его предшественников, нетрудно увидеть известную систему по осуществлению задач, поставленных не усмотрением того или иного князя, а растущим Древнерусским государством.

После похорон матери Святослав несколько дней провел со своими малолетними детьми – Ярополком, Владимиром и Олегом. Прежде чем кинуться в новый поход, он, на совете бояр и дружины поручил княжить в Киеве Ярополку, Владимиру – в Новгороде, а Олегу – в земле Древлянской. Вслед за тем он уже мог легко исполнить своё намерение – перенести столицу государства на дунайские берега. Ратные действия его вновь широко раскрутились. Святослав взял Филиппополь и прошел Балканы.

Глава 10

«Мертвые сраму не имут!»

Новый император Иоанн Цимисхий поначалу намеревался покончить со Святославом мирным соглашением, но тот не пошел на невыгодные для него условия. На запугивания Цимисхия Святослав ответил угрозой взять Царьград. Русское войско опустошило Фракию и впрямь приблизилось к столице Византии. Цимисхий направил против Святослава войско Варды Склера, но и оно было разбито.

Обложив данью византийские Фракию и Македонию, Святослав вернулся в свой Переяславец.

Цимисхий, сам искусный полководец, был поражен победами «варвара-скифа». Походы Святослава представляли собой как бы единый сабельный удар, прочертивший по землям Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до Балканских земель Византии.

Одолена Волжская Булгария, полностью сокрушена Хазария, обессилена и напугана Византия, бросившая все свои силы на борьбу с могучим и стремительным полководцем. Замки, запиравшие торговые пути русов, были сбиты. Русь стала вести широкую торговлю с Востоком. В двух концах Русского (Черного) моря возникли русские военно-торговые твердыни – Тмутарокань на востоке у Керченского пролива и Переяславец на западе близ устья Дуная. Святослав одним махом приблизил свою столицу к жизненно важным центрам и придвинул ее впритык к рубежам Византии. Во всем видна рука выдающегося полководца. Даже ромеи восхищаются его мужеством, бесстрашием и умением сражаться.

Цимисхий также считал себя превосходным полководцем, и он, больше не доверяя своим военачальникам, сам решил выступить на Святослава. Он собрал все силы громадной империи.

Цимисхий выдвинулся из Константинополя с войском, отправив вперед мощный флот к Дунайскому устью, дабы пресечь связь россиян водою с Киевом. Он избрал для предстоящего сражения искусных полководцев и щедро награждал заслуги самых рядовых воинов. Цимисхий умел вселить в первых древнее римское славолубие, а вторых приучить к древней подчиненности. Его собственная отвага было примером для тех и других.

На пути Цимисхия встретили послы Святослава, кои единственно помышляли изведать силу греков. Цимисхий, догадавшись об истинной цели русских послов, не восхотел вступать с ними в переговоры, однако дозволил им оглядеть стан греков и отпустил к своему князю. Сей поступок Цимисхия показал Святославу, что он имеет дело с весьма опасным противником.

Оставив главные силы позади себя, император с отборными воинами, с легионом *бесмертных* (с 13 000 конницы и 10 500 пехоты), внезапно появился под стенами Переяславца и напал на 8000 русичей, кои храбро вступили в сечу с греками. Большая часть их полегла на месте. Вылазка, сделанная из города в подмогу, не имела успеха. Однако победа весьма дорого стоила грекам, и Цимисхий с нетерпением ожидал своего остального войска. Когда оно появилось, греки со всех сторон окружили Переяславец.

Сам Святослав с 60 000 воинов находился в Доростоле. Изведав об осаде Переяславца, он намеревался прийти ему на подмогу, но тут примчал посланный императором, наместник Херсонеса Калокир и заявил, что болгарская столица уже взята.

Цимисхий схитрил, продолжая осаждать Переяславец. Наконец, ему удалось взять город приступом. Борис (только именем царь болгарский) угодил в плен со многими его сановниками. Император обошелся с ними благосклонно, уверяя (как бывает в таких случаях), что он вооружился с единственной целью – освободить пленников от неволи, и что признает своими врагами одних россиян.

Однако 8000 воинов Святослава закрылись в царском дворце, не собирались сдаваться и неустрашимо отражали недругов. Напрасно Цимисхий ободрял греков. Он сам со своими оруженосцами пошел на приступ дворца, но понужден был отступить: русичи отразили натиск императора.

Тогда Цимисхий сказал: «сдайтесь, иначе сожгу дворец». «Мертвые сраму не имут!» – бесстрашно откликнулись русичи словами своего полководца, и все сгорели в пламени.

– Этот народ достоин восхищения. Русь, если соберется воедино, никому не победить.

Слова императора записал его придворный хронист Лев Диакон.

Святослав, сведав о взятии Переяславца, не показал воинам ни страха, ни огорчения и поспешил встретить Цимисхия, кой со всеми силами приближался к Доростолу. Войско императора вдвое превышало рать Святослава.

И вот 21 июля 971 года Святослав и Цимисхий сошлись – два героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе. Каждый, ободрив своих, дал знак битвы, и при звуке труб началось жуткое кровопролитие. «До самого вечера счастье ласкало ту и другую сторону». *Двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу.

Цимисхий приказал распустить священное знамя империи; был везде, где возникала опасность, копьём своим удерживал бегущих воинов и показывал им путь в сторону врага.

Ночь остановила битву. Потери с обеих сторон были огромны. И всё же войско византийцев значительно превышало рать Святослава, и он принял решение отступить в Доростол.

Утром Цимисхий осадил город. В то же самое время подоспел и греческий флот, кой пресек отступление россиян по Дунаю. Греки надвигались и откатывались назад, делая передышку и хороня убитых.

Отвага Святослава возрастала вместе с опасностью. Он заключил в оковы многих болгар, кои хотели изменить ему, окопал стены глубоким рвом и беспрестанными вылазками тревожил стан Цимисхия. Россияне, как напишет Лев Диакон, оказывали чудесное остервенение, и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастись: ибо хотели тем сохранить свою вольность в будущей жизни. Даже жены их ополчались и, как древние амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу.

Однажды в победной вылазке против магистра Иоанна, свойственника Цимисхиева, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили его голову на башне. Нередко побеждаемые превосходящей силой противника, они с гордостью шли назад в крепость, медленно закинув за плечи огромные свои щиты. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле.

Русские воины хоронили павших, сжигая их на громадных кострах. Резали и бросали в огонь петухов – жертвы богам, убивали пленниц – жены погибшим: жизнь ведь продолжается и «там». Так пусть здесь всё сгорит в пламени. Тяжелый столб черного дыма стоял над рекой.

Византийское войско с ужасом наблюдало кровавый и жуткий обряд воинов Святослава. Число их уменьшалось. Опречь того, россияне, стесненные в Доростоле и лишённые всякого сообщения с его плодородными окрестностями, терпели жуткий голод.

Святослав решил преодолеть и это бедствие. В темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молний обошел греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На обратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, кои поили лошадей и рубили дрова, отважные русичи вышли из лодок, напали на греков, множество их убили и благополучно возвратились в крепость.

И вновь Цимисхий был изумлен действиями Святослава. Он полагал захватить город в два-три дня, но осада тянулась уже третий месяц. Святослав не мог поджидать никакой помощи. Отечество было далеко и, вероятно, не ведало о его бедствии. Соседние народы

вольно или невольно держали сторону греков, ибо страшились Цимисхия. Воины Святослава стали изнемогать от ран и голода. Напротив, греки имели во всем изобилие, и новые легионы приходили к ним из Константинополя.

В таких тяжких условиях Святослав собрал на совет дружину. Одни предлагали скрыться в ночное время, другие советовали просить у греков мира; наконец, все обреченно думали, что войско уже не в силах бороться с неприятелем.

Но Святослав не согласился:

– Погибнет слава русичей, если ныне устршимся смерти. Приятна ли жизнь для тех, кои спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у соседних народов, досель ужасаемых именем русским? Наследием предков своих – мужественных и непобедимых, завоевателей многих стран и племен, мы или победим греков, или падем с честью, совершив дела великие!

Тронутые сей речью, достойные сподвижники Святослава решили выйти на битву. На другой день всё оставшееся войско вышло за своим полководцем. Он велел запереть городские ворота, дабы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол.

Сражение началось утром. В полдень византийцы, удивленные упорством русичей, начали отступать. Их остановил Цимисхий, но глубокая ночь развела войска. На другой день битва продолжилась.

Греки жаждали смерти Святослава: пока он жив, победы не изведать. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды русичей, увидел великого князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня. Но шлем защитил Святослава, и смелый грек погиб от его меча.

Цимисхию казалось, что русичи выигрывают сражение, но тут сама природа ополчилась против Святослава: с юга поднялся страшный ветер и, дуя прямо в лицо русичей, ослепил их густыми облаками пыли. Битву пришлось прекратить.

Глава 11

Презрение Святослава

Святослав был ранен. В крепости он оглядел свое изможденное, израненное войско и решил его сохранить. Он понужден был согласиться на мир. Переговоры начались ночью, и оказались для Святослава почетными. Он получает большую дань, причем не только на живых, но и на убитых воинов.

– Если перестанут платить нам дань, то вновь соберу на Руси отважных воинов и пойду на Царьград, – заявил полководец.

Это был мир, весьма обрадовавший греков. Однако еще перед его заключением, Иоанн Цимисхий обратился к Святославу с внезапным предложением о рыцарском поединке. Обещал, что условия мира будет диктовать тот из них, кто одержит верх в единоборстве. Цимисхий был, как и Святослав, прекрасным бойцом, искусным, смелым, уверенным в себе. Великолепно владел мечом, обучен был «копьем потрясати, и лук тяглити, и стрелы верзати...».

Святослав совершенно неожиданно от поединка отказался. Он, как сообщает византийский хронист Лев Диакон, «с презрением отвечал императору так: „Я сам лучше знаю, что мне полезно, чем мой враг. Если ему жизнь наскучила – есть неисчислимое множество других путей, ведущих к смерти, пусть выбирает один из них, какой ему угодно“».

Ни на секунду нельзя заподозрить князя в том, что он струсил. Все, что известно о Святославе Игоревиче, исключает любую возможность его отказа от поединка по каким-либо личным суждениям, как их ни назови. Ответ Святослава намекает на что-то хорошо известное императору, и сам его отказ выглядит даже оскорбительным. (Дальше мы узнаем, что причины для отказа у Святослава были. Очень серьезные).

Подробности мирных переговоров с императором ромеев описана всё тем же Львом Диаконем, сопровождавшем Цимисхия в походе, чтобы подвиги императора не пропали для истории. Описаны переговоры сдержанно, но выглядели они крайне нелестно для императора.

Место встречи – берег Дуная. Цимисхий явился в сверкающих драгоценных доспехах, в парадном императорском плаще, во всем царственном великолепии. Огромная, тоже пышно разряженная свита. Все верхом. Парадный выезд. Блеск золота, переливы шелков, звон оружия.

Святослав же прибыл с обратного берега в простом походном челне. Никакой свиты – несколько гребцов. Никакого парада. Гребцы – воины в простых холщовых рубахах, как и Святослав. Князь ничем от них не отличался, лишь белая рубаха его была почище. Мало того, он сам греб вместе с ними. Как простолюдин, а для византийца – как раб.

Придворный хронист рассматривал его во все глаза. Среднего роста, необычайно широкий в плечах, силач с могучей шеей. Голубоглаз, длинные усы, борода сбрита, волосы на голове тоже сбиты, только свешивается одна длинная прядь: знаменитый оселедец (кой и века позднее будет отличать запорожскую казачью вольницу – Сечь). В ухе серьга.

Лев Диакон оказался в двух шагах от князя. Он хорошо разглядел эту серьгу: золотая, с двумя жемчужинами, между которыми вставлен рубин...

Дальше – хуже. *Святослав во всё время переговоров оставался в челне. Он даже не встал. Это было потрясением основ и совершенным оскорблением императора Рима, «земного солнца вселенной». Сидеть должен был он, а перед ним следовало стоять.*

Торжественные переговоры приобрели характер обыденного разговора, с унижительным для императора оттенком.

Святослав был краток. Гребцы оттолкнулись от берега и вкупе с князем налегли на весла.

Шокированные византийцы сделали вид, что всё в порядке, конфуз списали на варварство «скифов»...

Иоанн Цимисхий скрежетал зубами. Он в жизни не испытывал такого унижения. Так вот почему этот варвар отказался от поединка. Он надумал оскорбить императора, но это ему даром не пройдет...

И пока Святослав готовил ладьи к морскому переходу, Цимисхий спешно отправил к печенегам архиерея Феофила. Тот известил, что Святослав с малой дружиной и большой добычей возвращается домой морем, а главное его войско идет сушей.

С двадцатью двумя тысячами воинов, из коих половина была больных и раненых, Святослав спустился в ладьях в устье Дуная. Там он с частью дружины остался зимовать. А воевода, варяг Свенельд, отправлен был в Киев за новой ратью: Святослав не оставил мысли вернуться к Доростолу. Однако его воевода к нему не вернулся, рассчитывая занять более высокое место при князе Ярополке, сыне Святослава, но для этого нужно было погубить князя-отца.

Зимовка в устье Дуная оказалась тяжелой. Дружинники голодали. Были съедены все лошади. Весной Святослав с маленьким отрядом двинулся на ладьях в Киев.

Печенеги, извещенные византийцами, ждали русских воинов у порогов. Святослав ведал об этом, но коней, дабы обойти степью опасное место, не было. Малочисленные дружинники проталкивали свои ладьи шестью – навстречу бурной воде, между камнями и мелями. А с двух берегов в них летели сотни стрел, и сотни степняков, размахивая саблями, гнали своих коней в реку, чтобы первыми завладеть добычей и полоном.

Святослав отчаянно сражался, но был убит в неравной схватке.

Печенежский князь Куря отдал череп Святослава мастерам, дабы те оковали его золотом и сделали из него чашу. На пирах Куря похвалялся, что такой редкостной чаши нет ни у кого, и пил из нее вино.

* * *

Маленький Ярослав выслушивал рассказ летописца, коего позвал отец Владимир, с восторженными глазенками. Конечно, многое он не понял из длинного повествования. Но какой всё же молодец его дедушка, какой воин! В конце же рассказа он расплакался.

– Не горюй, сын, – сказал Владимир Святославич, – твой дед погиб из-за предательства Цимисхия, погиб, как славный ратоборец, равному коему не было и не будет многие века. Всегда помни его гордые и вещие слова о воинах, сраженных в бою, что «мертвые сраму не имут». Жаль, что многие князья стали забывать Святослава и кинулись в усобицы, чего не терпел твой дед. Но память о твоём деде не сотрется. Таких полководцев не предадут забвению.

– Я буду постоянно думать о подвигах моего деда Святослава!

– Добро бы так, Ярослав.

Глава 12

Отец Ярослава

Как-то Владимир Святославич услышал за стенами терема звонкие детские голоса:

– Защищайся, Ефимка! Я буду биться как дед Святослав!

Великий князь подошел к окну и увидел на дворе, подле красного крыльца, Ярослава с маленьким мечом, наступавшего на сына боярина Додона Колывана, рыжеватого отрока, прикрывавшегося небольшим щитом, обитым медвежьей шкурой.

– Голову прикрой, сказываю!

Ефимка прикрылся, но щит его от удара меча Ярослава треснул.

– В полон сдавайся!

– Не хочу, – захныкал Ефимка.

– Эх ты, а еще воин. Отпускаю тебя. Ступай к своей дружине и скажи ей, что я иду на вы.

– Ай да молодец, сынок, – довольно произнес князь. – Он и впрямь не забудет полководца Святослава.

Святослав был сильным, мужественным, во всем неприхотливым, вот и Ярослав старается на него походить. Еще два года назад он принялся закалять тело. Каждое утро, слегка прихрамывая, бегал с дядькой на Днепр, подолгу купался. Аж в грудень²⁶ не хотел вылезать из холодной воды. Пестун ворчал:

– И чего в такую остуду лезешь, отрок? Лихоманка²⁷ схватит.

– Не схватит, дядька. Мой дед Святослав даже в сечень²⁸ в проруби окунался.

– Так то Святослав. Он, почитай, после проруби голышом в терем прибегал.

– Вот и я так буду. Не облачай меня в рубаху!

– Да мне великий князь голову снимет.

– Не снимет, дядька. Поспешай в гору!

Но где уж там угнаться пожилому пестуну за юнотой! Запыхавшись, приходил в терем, брался за мохнатый рушник, дабы разогреть Ярослава, но того уже высокая гора разогрела. Раскрасневшийся чадушко накидывал на себя легкий кафтанец, а затем велел дядьке позвать Ефимку.

– Бороться хочу. Святослава никто не мог побороть.

Дядька вздыхал, и оправлялся за Ефимкой. Никакого роздыха с этим юнотой! Но ничего не поделаешь: князь Владимир сызмальства борьбой увлекался, и сына на то поощряет. Да и не только к борьбе, но и к бане со снегом. Вылетят из горячей мыленки – и в сугроб. Долго в снегу барахтаются. Ярослав аж повизгивает от улады, а затем опять в баню. Зело крепеньким растет Ярослав! Слава деда не дает ему покоя.

Великий князь, поглядев из окна на «ратоборцев», раздумчиво заходил по покоям. Его детство не было счастливым. Когда он выходил на двор, то играть с ним никто не хотел. Княжата и чада бояр кричали:

– Ступай прочь, робичич!

– Не хотим тебя видеть с нами!

Особенно усердствовал старший брат Ярополк:

– Твое место с холопами на псарном дворе. Беги отсюда!

Но Владимир, нахохлившись, как молодой бычок, и не думал уходить. Тогда Ярополк, подмигнув своей «свите», отдавал приказ:

---

²⁶ Грудень – ноябрь.

²⁷ Лихоманка – простудное заболевание.

²⁸ Сечень – январь.

– Бей холопича!

И загуляла тут свалка, пока из терема не выскочит красавица Малуша и не вырвет из рук драчунов своего любого сына.

Княгиня Ольга, пресекая дальнейшие детские «усобицы», оправила Малушу в свое село Будутино и назначила ее ключницей.

Но Владимира она оставила при себе и днем за днем вбивала в голову мальчика христианские догмы, как и другим сыновьям Святослава.

А полководец, отбросив печенегов от города, занялся делами государства: Ольга находится при смерти, а дабы вернуться на Дунай, князю многое следует уладить в Киеве, Чернигове, в беспокойной Древлянской земле, на севере – во всем огромном государстве.

Когда новгородские бояре и торговые гости стали просить себе князя, Святослав призадумался.

– А кто бы пошел к вам? – спросил он и предложил Новгород Ярополку.

Тот отказался. Не захотел идти в Новгород и Олег. Новгородцы тогда пригрозили:

– Сами найдем себе князя!

О Владимире речи не шло, да и сам Святослав не принимал его в расчет. Владимир – сын ключницы княгини Ольги, сын рабыни.

Тут в разговор вступил родной дядя Владимира, брат Малуши, богатырь Добрыня, дядька-воспитатель.

Добрыня стал выдвигаться при киевском дворе. Он и за море едет, и в Новгороде идолов ставит, и свергает этих идолов. Многие зело важные поручения княжи выполняет Добрыня, человек и даровитый, и расторопный, и обходительный. Это он, славный Добрынюшка Никитич, вошел в киевские былины богатырем и добрым молодцем, щедрым и тороватым. Он и гуслир-сказитель, и богатырь, свой в пирах и в былинах. Это он при Святославе не растерялся и посоветовал новгородцам:

– Просите Владимира.

И новгородцы, глянув на отрока, столковались. Теперь-то уж Владимир Святославич ведает, почему новгородцы сладились. Полагали, что «робичич» будет покладистее, чем прямые князья, терпимее к их торговым и боярским вольностям. Важно, думали они, что Владимир пока еще мальчуган: новгородцы и потом любили, чтобы князь подрастал у них, вживался в землю новгородскую.

Да и Добрыня оказался человеком годящимся: из простолюдинов, не богат, двора своего нет.

Так Владимир оказался на княжении в Новгороде. Он ладил с боярами купцами, приносил кровавые жертвы Перуну и другим богам, разводил вокруг идола костры священного и всё очищающего огня.

Несколько лет прошли на Руси покойно. Лесные деревушки и села, небольшие рубленные города-крепостицы не ведали войн. И вдруг всё круто изменилось. И виной тому стали варяги.

Владимир Святославич ни в жизнь не забудет просьбы сына:

– Отец, отпусти Свенельда из поруба. Моя нога давно зажила. Он же – воевода Святослава.

– Хитроумный, лукавый воевода, – отчужденно произнес великий князь. – Поведай-ка мне, что сказал тебе Свенельд, когда посадил тебя на коня?

– Не вздумай Гордого плеткой ударить. То положено лишь мужественным наездникам.

– И что ты ответил?

– Что я тоже мужественный... Вот и стеганул Гордого.

Лицо Владимира Святославича еще больше нахмурилось. Он долго хранил молчание, пока Ярослав не напомнил ему о себе.

– Так отпустишь Свенельда, отец?

– На сей раз отпущу... Но хочу тебе изречь, сын, чтоб ты никогда не доверял варягам. Это – жесткие люди. Ступай.

Глава 13

Варяги

Ярослав вышел, а великий князь вновь надолго задумался. Он, по рассказам книжников (а память у него была недурная), неплохо изведаль жизнь варягов. Еще в середине девятого века, когда в Среднем Приднепровье уже сложилась Киевская Русь, на далеких северных окраинах славян, кои мирно, бок о бок жили с чудью,²⁹ карелами и латышами, стали появляться отряды варягов, приплывавших из-за Варяжского моря.³⁰ Славяне и чудь прогоняли непрошенных гостей. Киевские князья не единожды посылали свои дружины на север, дабы отбросить грабителей за морские пределы. Не случайно, что именно тогда, невдалеке от Полоцка и Пскова, возник на важном месте, у озера Ильмень, новый город – Новгород в 859 году, кой должен преградить варягам путь на Волгу и на Днепр.

В 862 году варяжский конунг Рюрик³¹ появился под Новгородом. Варяги-пришельцы не овладевали русскими городами, а ставили свои укрепления поблизости с ними. Под Новгородом они жили в «Рюриковом городище», под Смоленском – в Гнездове, под Киевом – в урочище Угорском. Здесь могли быть и купцы, и, нанятые русскими, варяжские воины. *Важно то, что нигде варяги не были хозяевами русских городов.*

В 882 году один из варяжских предводителей, Олег, пробрался из-под Новгорода на юг, взял Любеч (тот самый Любеч, где Святослав, почти на столетие позднее, забрал в плен красавицу Малушу), служивший своего рода северными воротами Киевского княжества, и приплыл в Киев, где ему обманом и хитростью удалось убить киевского князя Аскольда³² и захватить стол.

С именем Олега связано несколько походов за данью к соседним славянским племенам и знаменитый поход русских войск на Царьград в 911 году. Но варяг Олег не чувствовал себя владельцем Руси. После успешного похода в Византию, он оказался не в столице Руси, а далеко-далеко на севере, в Ладоге, откуда был близок путь на родину, в Скандинавию.

Владимиру Святославичу, кой толковал с летописцами и монахами-книжниками, всегда казалось диковинным, что Олег, коему совершенно легковесно приписывают создание государства русичей, бесследно исчез, оставив летописцев в недоумении.

Новгородцы писали, что после греческого похода Олег пришел в Новгород, а оттуда в Ладогу, где он умер и был похоронен. Согласно другой летописи, он уплыл за море «и уклону (его) змея в ногу и с того (он) умре».

Киевляне же, повторив легенду о змее, ужалившей князя, рассказывали, что будто бы его похоронили в Киеве на горе Щекавице («Змеиной горе»). Но никаких следов от могилы, как отменно ведал Владимир Святославич, не оказалось. Возможно, название горы повлияло на то, что Щекавицу связали с именем Олега.³³

---

²⁹ Чудь – прибалтийско-финские племена Финского залива, в более позднее время – эсты.

³⁰ Варяжское море – Балтийское.

³¹ От этого искателя приключений, возглавлявшего небольшую дружину, без особых знаний велась генеалогия всех русских князей «Рюриковичей» (хотя русские историки XI в. вели родословную князей от Игоря, не упоминая о Рюрике).

³² До сих пор в Киеве на берегу Днепра сохранилось место, называемое «Аскольдовой могилой». Возможно, что князь Оскольд был последним представителем древней династии Кия. (Кий – легендарный основатель Киева и первый его правитель).

³³ Княжение варяга Олега в Киеве – незначительный и недолговременный эпизод, излишне раздутый некоторыми проваряжскими летописцами и позднейшими историками-норманистами. Поход 911 года – единственный достоверный факт из его княжения – стал очень знаменит благодаря той блестящей литературе, в которой он был описан, но по существу один из многих походов русских дружин IX-X веков, на берег Каспия и Черного моря, о которых проваряжские летописцы умалчивают. На протяжении X и первой половины XI века русские князья нередко нанимали отряды варягов для войн и дворцовой службы. О культурной роли варягов нечего и говорить. Договор 911 года, заключенный от имени Олега и содержащий около

Владимир Святославич неплохо ведал и о том, что варяги были прекрасными мореходами. Пользуясь морскими приливами, их крепко сшитые, высокие драккары,³⁴ на шестнадцати парах длинных весел легко бороздили море. На задранном носу корабля торчала голова неизвестного чудовища, рогатая, со змеиной пастью, с бычьим лбом и чешуйчатой шеей, выгнутой лебедем. Сам драккар был черен, как ворон, а голова блистала золотом. Черные, пугающие корабли входили в устья рек Европы, и оказывались внутри многих стран. В 886 году норманны долго держали в осаде Париж и сняли ее, получив громадный выкуп.

Ватикан составил особую молитву: «От ярости норманнов избави нас, Господи!...».

Добыча – единственное, что интересовало грабительские шайки. Они добывали ее с необычайной жестокостью. Викинги³⁵ разоряли и выжигали ной жестокостью. Викинги разоряли и выжигали города, убивали всех, кого могли. Нужно было, чтобы одно только имя норманнов, слух о них и приближение приводило в трепет и уничтожало саму волю к отпору.

Проникали варяги и в Восточную Европу. По рекам, через Неву и Ладожское озеро, тем самым путем по Волхову и Днепру, кой так и назовут «путем из варяг в греки», они не только опускались в Русское море. Пройдя Босфор и охватив кольцом Европу, встречались в Средиземном море с соплеменниками, проплывшими сюда через Гибралтар.

Варяги громили слабых, и коль этого не удавалось, то раскидывали лагерь и начинали торг. К тем же, кого викинги не сумели одолеть, они охотно подряжались на службу.

Так появляется (а затем изгоняется за море) варяжская дружина в Новгороде, так оседают варяжские отряды в Старой Ладоге, спускаются к Киеву. Варяг «работал» за жалованье, за долю добычи; подставлять же голову за чьи-то интересы он не собирался, воевал бережливо.

Таков и Свенельд. Именно он со страшной жестокостью подавлял восстание древлян. Здесь свой интерес, но такие, как он, головы не подставляли.

Много лет спустя, на Дунае, против Святослава оказались превосходящие силы врага. Византийцы собрали громадное войско. Князь обратился к своим воинам со словами, ставшими легендарными: «Не посрамям земли Русской, ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут!»

Дружина ответила: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим», и можно быть уверенным (в этом Владимир Святославич не усомнился) – Свенельд промолчал. Складывать за Русь голову он не нанимался.

Когда на Днепре Святослав оказался в печенежской засаде, Свенельд бросил своего князя и пришел в Киев, «де, за подмогой». Варяг остался жив, он, разумеется, знал о печенегах, не мог не знать. Свенельд завидовал успехам Святослава, завидовал и в душе ненавидел его, как ненавидел он всех русских князей, к коим пришлось ему наниматься.

«А про плеточку-то он не зря Ярославу выговорил, ох не зря, – подумалось Владимиру Святославичу. – Мальчонка не без честолюбия. Воином себя возомнил. Как не стегануть коня? На это и уповал варяг. Он-то надеялся, что Ярослав насмерть расшибется. Собака!»

десятка скандинавских имен олеговых бояр, написан не на шведском, а на славянском языке. Никакого отношения к созданию государства, к строительству городов, к прокладыванию торговых путей варяги не имели. Ни ускорить, ни существенно задержать исторический процесс Руси они не могли. Период Олегова «княжения» оставил в народной памяти эпическую песню о смерти Олега от своего собственного коня (обработанную А. С. Пушкиным в его «Песне о вещем Олеге»), интересную своей антиваряжской тенденцией. Образ коня в русском фольклоре всегда очень благожелателен, и если уж хозяину – варяжскому князю предречена смерть от его боевого коня, значит, он того заслужил. Историческая роль варягов несравненно меньше, чем роль печенегов или половцев, действительно влиявших на развитие Руси на протяжении четырех веков. Поэтому жизнь только одного поколения русских людей, терпевших участие варягов в управлении Киевом, не представляется исторически важным периодом.

³⁴ Драккар – название варяжского морского судна.

³⁵ Викинги – скандинавы – участники морских торгово-грабительских и завоевательных походов в конце VII-середины XI вв. в стран Европы. На Руси их называли варягами, в Западной Европе – норманнами, викинггами. В IX веке захватили Северо-Восточную Англию, в X – Северную Франции (Нормандия). Достигали Северной Америки.

Зол, зол был на Свенельда великий князь. Варяг еще задолго до своего «холопьего» поруба тайные кружева плел, вражду между братьями зачинал, Ярополка на худые помыслы подталкивал.

Глава 14

Козни Свенельда

Старшего сына Святослава, Ярополка, в Киеве не возлюбили. Во-первых, мать, еще при жизни отца, крестила его в церкви Ильи Пророка, а во-вторых, молодой князь окружил себя варягами, и те набрали такую силу, что стали грубо притеснять киевлян. И чем дальше, тем хуже. Викинги открыто нападали на горожан, врываются в их дома, насиловали женщин и уносили с собой добычу.

Киевляне шли к своему князю.

– Укроти варягов, Ярополк Святославич! Буянят, грабят, дочерей и жен наших сраму предают.

Ярополк для виду гневался:

– Ишь, распоясались! Накажу виновных. Всех накажу!

Несколько дней в Киеве было тихо, но после вновь завязывались бесчинства гостей заморских. Ярополк во всем полагался на воеводу Свенельда, кой не захотел служить ни новгородскому князю Владимиру, ни древлянскому Олегу.

– Братья твои, князь Ярополк, поди, злобой исходят. Не они, а ты стал великим князем Киевским. Убежден: ножи на тебя точат. Ну да мои викинги всегда под твоей рукой.

– Надеюсь, Свенельд, что ты будешь мне предан, как отцу моему Святославу.

– Клянусь богом Вотаном и своим оружием, великий князь!

Как-то Свенельд пришел к Ярополку с неожиданным суждением:

– А не сходить ли тебе, великий князь, в Полоцк? Да еще сделав крюк к Новгороду.

– Мнится мне, что тебя, Свенельд, совсем другое заботит.

– Другое, Ярополк Святославич. Появление под носом Владимира большой дружины покажет ему, кто хозяин Руси. Он устрашится и забудет про Киев. Олег же Древлянский совсем еще юн. С ним легко управимся, если он вознамерится вылезти из своих лесов.

– Я покумекаю над твоими словами, воевода.

У Ярополка был и русский воевода Блуд, но он больше доверял варягу.

Движение дружины Ярополка на север не осталось незамеченным для новгородского князя.

«Что сие означает? – гадал Владимир. – Ярополк вознамерился вкупе с полоцким войском захватить Новгород, а следом взять в полон „холопича“? Ужели он все еще мстит сыну рабыни?»

Но князя успокоил его дядька, Добрыня Никитич.

– Лазутчики³⁶ доносят, что Ярополк с варягами не помышляет двигаться на север. Всего скорее он мыслит показать тебе свою силу, дабы ты и думать не мог о киевском княжении.

– И всё же ушами хлопать не будем. Надо подготовить Новгород на случай осады.

Но опасения Владимира оказались напрасными. Когда Ярополк вернулся в Киев, к нему немедленно пришел воевода Блуд, оставленный для оберега города.

– Изведал я, что древлянский князь проявил беспокойство твоим походом к Полоцку.

– А ему-то чего надо? – ворчливо кинул Ярополк.

– Помыслил, что ты двинулся на брата.

– Ну и пусть мыслит. Олег мне не страшен.

– И всё же надо прошупать его, великий князь, – вступил в разговор Свенельд. . . Пошлю-ка я сына своего, Люта, в древлянские земли.

---

³⁶ Лазутчики – разведчики.

– Как моего посла? – недоуменно пожал плечами Ярополк.

– Зачем же? – хитро осклабился Свенельд. – На охоту. Древляне люди открытые, многое могут рассказать.

– Толково, – одобрил Ярополк.

Лют, собрав ловчих, с шумом и свистом помчал в древлянские леса. Зверья там – бить, не перебить. И надо же было такому случиться, что сын Свенельда, на четвертый день охоты, наглый, самоуверенный и на большом подгуле,³⁷ столкнулся с князем Олегом, кой также охотился в своих землях.

– Ты, почему без спроса, без ведома, вторгся в мои ловы? – строго спросил Олег.

– Где хочу, там и охочусь, – грубо ответил Лют. – Я сын воеводы Свенельда, а тот служит великому князю. Твоя земля – его земля.

Наглый ответ возмутил Олега.

– Прочь с моих ловов!

– И не подумаю!

– Тогда ты умрешь!

– Ха!.. Мое копье не знает поражений. Я готов с тобой сразиться, князь Олег.

– Ну что ж. Бог войны нас рассудит.

Удача в честном конном поединке была на стороне Олега. Он пронзил копьем грудь Люта.

Справив по сыну тризну, Свенельд решительно направился к Ярополку.

– Такого нельзя прощать, князь. Лют был убит из-за спины. Ловчие моего сына слышали, как Олег похвалялся: поначалу перебью всех варягов, а далее срублю голову Ярополка.

Свенельд, конечно же, подговорил охотников-варягов, что им поведать великому князю.

– Надо идти на Олега войной, Ярополк Святославич.

– Собирай своих воинов, Свенельд. Я нещадно накажу Олега.

Ярополк в челе варяжской дружины направился на древлянскую землю.

Воины Олега были сокрушены и панически спешили укрыться за стенами города Овруча.

Усобицы на Руси обычно кровопролитными не были. Смердам не очень-то хотелось истреблять других, таких же подневольных, ради княжых распрей. Да и князья не стремились ни к большим потерям, ни к большому урону противника – равно невыгодно.

Иное дело случилось здесь, когда рубили варяги-чужеземцы, рубили страшно и безжалостно. Только тем можно растолковать панику рати Олега, торопившейся укрыться за стенами Овруча.

Досталось крепостному мосту, что у ворот города. Здесь так теснили друг друга кони и люди, что деревянный мост не выдержал, многие рухнули в ров и были раздавлены.

Среди раздавленных воинов оказался и Олег.

Увидев расплющенное тело брата, Ярополк отшатнулся и побледнел. Впервые на Руси среди князей произошло то, чего никогда еще не было. Брат убил брата. Ни при Святославе, ни при Игоре подобного не случалось.

А Свенельд не скрывал удовольствия:

– Обошлось без меча, но боги помогли. Всё сотворилось как нельзя лучше.

Впрочем, так считал и Ярополк. Теперь он наследовал землю и власть младшего брата, дело за Новгородом.

---

³⁷ *Наподгуле* – выпивший, или совсем пьяный человек.

Глава 15

Ярость Владимира

Владимир Святославич, изведав о гибели Олега, был потрясен. Ярополк – братоубийца! Он совершил неслыханное злодейство и будет отомщен. Но мешкать нельзя. Новгород не так еще и велик (это позднее он станет одним из крупнейших городов Древней Руси), и дружина его не в состоянии отразить могучий удар Киевского князя. Как ни худо, но надо ехать за море и набирать войско варягов. Без них Ярополка не сломить. Но надлежит попросить денег у новгородцев, они должны помочь.

– Граждане! На нас идет Ярополк, убивший моего брата Олега. Он задумал овладеть и Новгородом, дабы присоединить нас к Киеву, сделать своими рабами и обложить тяжелой данью. Согласны ли вы быть под рукой злодея Ярополка?

– Не бывать тому, князь Владимир!

– Не хотим Ярополка!

Владимир земно поклонился новгородскому люду и продолжал:

– Коль не желаете Ярополка, дайте калиты³⁸ на варягов. Мне своей казны не хватит.

Новгородцы калиты не пожалели. Владимир Святославич поехал за море вместе с дядей своим Добрыней Никитичем. Возвратились быстро: варягам только золотые и серебряные гривны покажи.

Пока князь отсутствовал, в северные города поскакали гонцы из Новгорода, дружины изготовились к сече, воины оглаживали коней, проверяли крепость подпруг, выучили походное снаряжение...

Стража зорче поглядывала с городских башен. Пока еще всё смутно, неясно.

Владимир Святославич вступил в Новгород с большим варяжским отрядом. (Варяжская дружина сверх платы собиралась пограбить богатый Киев). Но дело не ограничилось наемниками: для похода на Киев Владимир собрал дружины северной Руси.

Ни боярство, ни купечество новгородское не пожалели мошны, дабы взять Киев. Рассчитывали, что первенство в государстве может перейти к Новгороду, вместе с властью над землями, вместе с даяниями, правыми и неправыми поборами и многими другими преимуществами стольного града.

Силу собрали нешуточную и с нешуточными намерениями. В борьбу было втянуто всё государство. Оба противника стремились притянуть на свою сторону Полоцк.

Княжение важное, здесь разветвляется путь из варяг в греки, а Западная Двина выводила ладьи с юга прямо в Варяжское море.

В Полоцке же сохранилась власть князя Рогволода, о коем ведали, что он пришел из Скандинавии.

Обычным способом объединения княжеств был брак между отпрысками правителей. Этим и надумал воспользоваться молодой новгородский князь. Однако в Полоцке Владимир Святославич потерпел неудачу. Сваты, возглавляемые Добрыней Никитичем, вернулись в Новгород удрученными.

– Рогнеда отказала, да еще оскорбила тебя, князь.

– Чем же?

Добрыня удалил из покоев сватов и, покачав головой, молвил:

– Не хочу, сказала, выходить за холопича.

Князь вспыхнул. По его лицу пробежала ничем не прикрытая злость.

---

³⁸ *Калита* – сума, торба, кожаный мешочек на поясе, в котором носили деньги.

– Она еще ответит за эти слова.

– Опричь того, Рогнеда заявила, что свое сердце она отдала Ярополку.

Судьба свела малолетнего Ярополка с полоцким князем Рогволодом восемь лет назад. Прибыв в Киев, Святослав привез с собой юную Рогнеду.

– Дочь полоцкого князя. Гордая, красивая и неприступная, но она, Ярополк, тебе покорится, когда станет твоей женой. Хочу увидеть внука.

– Но ему еще десять лет,³⁹ – вздохнула княгиня Ольга.

– Ничего, – рассмеялся Святослав. – Годы стрелой летят. Эта девушка принесет тебе славных детей.

Свадьба состоялась в Киеве, куда прибыл с двумя сыновьями князь Рогволод.

Рогнеде так и не удалось познать мужского ложа. Ей наскучило в Киеве, и она отпросилась в Полоцк, где с еще большим рвением увлеклась светскими и богослужебными книгами, к коим усердно наставлял ее образованный отец.

– Предварил, братец... Это он поведал Рогнеде о ключнице Малуше.

Свой первый удар Владимир обрушил на Полоцк. Князь Рогволод не продержался в осаде и трех дней.

В тереме князя перед лицом Владимира оказался растерянный Рогволод с сыновьями и дочерью.

– Кланяйтесь вашему новому господину, новгородскому князю Владимиру Святославичу, – молвил Добрыня Никитич.

Узнав недавнего свата, Рогнеда, глядя в лицо Владимира, гневно высказала:

– Убирайся прочь из нашего дома! Мы не желаем видеть сына рабыни!

Князь ожесточился. Его охватила такая ярость, что он не удержался и выкрикнул:

– Стерва норманнская! Я покажу тебе «сына рабыни!»

И Владимир на глазах отца, его сыновей и своих воинов обесчестил Рогнеду, а затем приказал убить Рогволода и его взрослых детей.

Такова была жестокая месть Владимира, но... и претворение в жизнь его княжеского права. Рогнеда по законам язычества отнюдь не обесчещена: она стала женой Владимира, а сын ее Изяслав будет наследовать княжение в Полоцке.

Судьба города на Днепре была решена. Под стяг Владимира встали новгородские словене, чудь, кривичи...

Что мог противопоставить Ярополк войску всего севера Руси? Варягов Свенельда? Но они, услышав, какое на них идет великое войско, не хотели погибать за старшего сына Святослава.

Киевляне не любили Ярополка и не помышляли идти в его дружину. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе.

Владимир не хотел терять дружину при осаде Киева. Добрыня Никитич подсказал ему провести тайную встречу с воеводой Блудом, коему не слишком-то доверял Ярополк.

Тайные переговоры состоялись.

– Желаю твоей помощи, Блуд. Ведаю, тебя не очень-то чтит Ярополк. Ты же будешь моим ближним боярином, когда не станет киевского князя. Он сам начал братоубийства. Я ополчился для спасения дружины и всего люда киевского, кой презирает Ярополка...

– Я помогу тебе, князь Владимир.

Блуд, вернувшись в Киев, посоветовал Ярополку «удалиться от битвы».

– Мне доподлинно стало известно, что киевляне надумали изменить тебе и позвать на княжение Владимира. В городе вот-вот вспыхнет заговор.

---

³⁹ В Древней Руси, и много позже, даже более ранние браки считались нормой.

Ярополк хоть и являлся сыном Святослава, но был слаб духом. Он напугался и, думая спастись от мнимого заговора, умчал в Родню.

Сей город стоял на том месте, где река Рось впадает в Днепр. Но покоя здесь Ярополк не обрел: Владимир осадил Родню. Он не спешил к захвату крепости. В городе совсем мало воинов и кормовых запасов. Пусть Ярополк подольше обретается в страхе, пусть припомнит, как неизменно уничтожал его, Владимира, обидными словами: «Сын рабыни... Бей холопича!» Такого не прощают.

Ярополк, сидя в своем последнем убежище, с ужасом видел многочисленных врагов за стенами города, а в самой крепости – изнеможение своих воинов от лютого голода.⁴⁰

Блуд неустанно твердил:

– Надо заключить с Владимиром мир. У нас нет возможности отразить неприятеля. Владимир не тронет тебя, князь Ярополк, и наделит каким-нибудь славным городом. Поезжай к брату в Киев.

Ярополк, наконец, ответил:

– Да будь по-твоему, Блуд. Приму, что уступит мне брат.

Воевода отправился уведомить Владимира, что Ярополк отдается ему в руки.

Если во все варварские и просвещенные времена государи были жертвой изменников, то во все же времена имели они и преданных слуг. Из числа таких был у Ярополка некий Варяжко, кой говорил ему:

– Не ходи, князь, к брату. Ты погибнешь. Покинь Русь на время и собери войско в земле печенегов.

Но Ярополк слушал только воеводу Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в Теремном дворце Святослава.

Блуд ввел легковерного Ярополка в покои брата и замкнул дверь, дабы дружина княжеская не могла за ним войти. И тотчас два наемника-варяга пронзили грудь Ярополка мечами.

Преданный слуга Варяжко, кой напророчил гибель своему господину, сбежал к печенегам, но позднее Владимир сумел воротить его на Русь, дав клятву не мстить ему за верность Ярополку.

---

⁴⁰ Память об этом голоде надолго сохранится в древней пословице: *беда аки в Родне*.

Глава 16

«Соломон в женолюбии» (Из древней летописи)

Завладев Киевом, Владимир продолжал мстить даже мертвому брату. У того была еще одна жена – очаровательная гречанка. Владимир не устоял перед ее красотой и осрамил ее, хотя та была уже на втором месяце беременности. (От нее-то и родился «зол плод – Святополк Окаянный»).

В Киеве же Владимир почувствовал себя неудобно. Варяги совсем распоясались. Они мнили себя завоевателями Киева и требовали дань с каждого жителя по две гривны.

Великий князь отвечал викингам посулами:

– Будет вам дань, но только обождать надо. С ремесленного люда я начал собирать пошлину.

Владимир тянул время. Он задумал изгнать варягов, и не только из Киева, но и из всего государства.

В Новгород были отправлены тайные гонцы, дабы город набрал сильное войско из русских людей. То же самое произошло и в Киеве. Через три месяца дружина Владимира втрое превзошла войско варягов.

Великий князь позвал к себе постаревшего воеводу Свенельда.

– Народ зело недоволен варягами. Уводи своих воинов, Свенельд, за море.

Воевода возмутился:

– Да как же так, великий князь? Мои славные викинги и древлян, врагов твоих, посекали, и братьев твоих, Олега и Ярополка, убили, и Киев тебе помогли взять. Да ты без нас так бы и сидел в своем Новгороде.

– А ныне буду сидеть в стольном граде без твоих воинов. За море, сказываю, уходи!

Свенельд позеленел лицом. Первым его желанием было выскочить из княжеских покоев и кинуться к варягам, подняв их на Владимира, но вовремя одумался: дружину киевского князя уже не сломить. Поздно! Обхитрил варягов Владимир. Собрал богатей со всей Руси.

Не скрывая озлобления, произнес:

– Спасибо за службу, князь. Но за море мы не пойдем. Нас, непобедимых викингов, с превеликой охотой и византийский император примет.

Владимир с радостью отпустил сих опасных людей, однако императора уведомил, дабы тот не оставлял мятежных варягов в Царьграде, разослал малыми отрядами по городам, и ни в коем случае не позволял им возвратиться на Русь.

В 980 году великий киевский князь был в расцвете сил. Отныне он – единоличный глава русского государства. Властитель, коему всё дозволено. Малейшую его прихоть слуги исполняют, сломя голову.

Однако, есть в сердце заноза. Рогнеда! Гордая красавица Рогнеда. Не в любви, не в горячих ласках принесла она ему четверых сыновей: Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода. На ложе как всегда была холодна.

– Ярополка не можешь забыть?

– Никогда не забуду. Ни Ярополка, ни отца своего, ни братьев! – зло отвечала Рогнеда, напоминая в эти минуты разъяренную тигрицу.

Пройдет некоторое время и великий князь удалит ее из Теремного дворца недалеко от Киева, на берег Лыбеди, в селцо Предславино, а сам кинется в омут невиданного на Руси прелюбодейства.

Жену-гречанку Ярополка он взял себе в наложницы, но и сего Владимиру показалось мало, ибо, когда родился от гречанки Святополк, а Рогнеда разрешилась Изяславом, то князь завел себе новую жену, чехиню, коя принесла ему Вышеслава. Очередная жена чем-то не угодила великому князю и была спроважена в одну из обителей Чехии.

В течение нескольких лет «Соломон в женолюбии»⁴¹ заимел еще несколько жен, получив от них разноплеменных и разноязычных детей. От новой чехини Мальфреды – Святослава, Судислава, Позведа, от византийской принцессы Анны – Бориса и Глеба; от немки – родились Станислав и дочь Мария Добронегла...

Но Владимир по-прежнему жаден в любви, ему мало своих жен и он заводит три гарема.

300 наложниц у него было в Вышгороде, 300 – в Белогородке (близ Киева), и 200 – в селе Берестове. Кроме того, ему боялась попасться на глаза любая красивая женщина.

«Всякая прелестная жена и девица страшилась его любовного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности».

Приводя к себе замужних женщин и девиц, Владимир «был ненасытен в блуде».

Такого сладострастника Русь еще не ведала. Это был первый князь, кой завел в языческой стране огромные гаремы, видимо, следуя примеру мусульманских властителей.

Великий киевский князь не чурался даже девиц смердов. Часто бывая на охоте, Владимир останавливался в каком-нибудь глухом селище, и приказывал привести ему для утехи самую красивую поселянку.

Были случаи, когда отец девушки супротивничал. Так произошло в Оленевке.

– Негоже, князь. Дочь моя Березиня уже просватана.

– Экая незадача, – рассмеялся Владимир. – Тебя как звать?

– Прошкой.

– Так вот, Прошка, князь тебе желает великую честь оказать и гривнами одарить. Где твоя Березиня?

Девушка вышла из закута, и великий князь остолбенел: такой изумительной красавицы он еще в жизни не видывал. Белокурая, голубоглазая, с чистым румяным лицом, сочными червлеными губами и гибким станом.

Владимир от вожделения даже губами зачмокал.

– Экая ладушка... Сколь же тебе лет?

– Ныне пятнадцатую весну встретила, – без всякой робости ответила Березиня.

– Пойдешь в мой княжий терем? Женой станешь. В шелках, бархатах будешь ходить.

– Пойду, князь. Охотно пойду!

Прошка с недоумением уставился на дочь. Что это с ней содеялось? Неужели на княжьи посулы польстилась? Да и откуда смелости вдруг набралась? Обычно клещами двух слов не вытянешь, а тут?..

– Вот и добро, ладушка. Собирайся, – обрадовался князь.

– А мне и собираться нечего. Я только с подружкой попрощаюсь.

Молвила – и птицей вылетела из избы. А за избой – лес дремуч, только Березиню и видели.

– Догнать! Изловить! – закричал ловчим Владимир, и сам кинулся в заросли. Ветки царапали его лицо, грудь, но он не замечал боли, гонимый лишь одной неистребимой мыслью:

«Хороша девка! В гареме первой наложницей станет. Догнать!»

Но Березиня как в воду канула. В сумерки удрученный князь вышел из леса и, запыхавшийся, злой, – в избенку Прошки.

---

⁴¹ Одно из прозвищ князя Владимира Святославича. *Соломон* – царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 до новой эры. Согласно библейской традиции, славился необычайной мудростью; по преданию – автор некоторых книг Библии. (в т. ч. «Песни песней»). Согласно «Повести временных лет» Соломон имел 700 жен и 300 наложниц.

– Хитра же твоя девка. Придет домой, скрути ее веревками и доставь ко мне в Киев. А коль не доставишь, мечта изведает.

Прошка понурился, а князь отправился в Вышгород к наложницам. Всю дорогу ехал и думал о Березине. И надо же такой уродиться! Никакие иноземные жены не могут с ней соперничать. Царь-девка! То-то будет с ней жаркое ложе.

Миновал день, другой, но Березина в Киеве так и не появилась. Владимир позвал в покои своего дядю по матери, Добрыню Никитича, и строго приказал:

– Поезжай в Оленевку и привези Прошкину дочь. Старика кнутом попотчуй, а коль наотрез откажется Березину отдать, отсеки мечом руку, дабы другим неповадно было.

Добрыня неприметно вздохнул. Не по нутру ему княжье поручение. Вот если бы в чистом полюшке с кем сразиться. Тут его богатырский меч был одним из самых неистовых. Здесь же – с девкой воевать. Чудит в своем непотребстве князь!

Прошка при встрече развел грузными, задубелыми руками:

– И по сей день нет, боярин.

Князь хоть и назвал его стариком, но Прошке едва на пятый десяток перевалило. Кряжистый, русобородый, с загорелым сухощавым лицом. По всему ощущалось, что смерд силушкой не обижен, а таких людей Добрыня уважал.

– Не лукавишь, Прошка?

– В лукавом правды не сыщешь, боярин. Всю деревню опроси. Не зрели дочку. Сам в немалой затуге. Как бы звери не задрали, а может, леший к себе увел. Лес!

– Может, и леший, – крикнул Добрыня, кой верил во всякую нечистую силу. – И всё же в засаде посидим.

Добрыня расставил вокруг Оленевки десяток дружинников, кои укрылись меж деревьев, но засада ничего не дала.

Через два дня, не наказав Прошку, Добрыня Никитич вернулся в Вышгород, где князь забавлялся с наложницами.

– Сгинула девка, княже. Никак медведь задрал, или лешак в дремуч лес свел.

– Жаль, – с досадой произнес Владимир Святославич. – Но ежели старик солгал мне, то я ему не только руку, но и башку отсеку.

Нахмурившийся князь сказал это при наложницах, тешивших его ненасытное тело. Но иногда «Соломоново женолюбие» Владимира надолго прекращалось.

Глава 17

Увлечение книжное

Маленький Ярослав вначале любил своего отца, особенно в те часы, когда тот вновь и вновь возвращался к рассказам о подвигах Святослава; но затем, как-то исподволь, Владимир стал отдаляться от детей, а затем пришло время, когда он, впад в распутство, их совсем закинул.

Ярослава невольно потянуло к матери. Рогнеда с радостью встречала на своей женской половине сына. Она еще с купели приняла христианство и теперь с удовольствием приобщала Ярослава к светским и церковно-славянским книгам.

Он сам читал книги, в отличие от отца Владимира, кой читать не умел, а только «слушал святое писание». И чем чаще отрок виделся с матерью, тем острее чувствовал, как увлекательно открывать для себя новый мир. Он уже не мыслил себя без (так необходимой ему) материнской опеки.

Но вот настало время, когда великий князь, совершенно увлеченный блудом, приказал удалить Рогнеду из Киева.

Через неделю, стосковавшись по матери, Ярослав попросил Добрыню отвезти его к Рогнеде.

– Не могу, Ярослав. Тебе приказано быть в Теремном дворце.

Ярослав никогда не был маменькиным сыночком, но когда отец спровадил Рогнеду в село Предславино, десятилетний Ярослав понял, как дорога ему мать. Сердце юного отрока возмутилось. Мать ни в чем не провинилась, а отец ее – с глаз долой. И кого? Любимую матушку, коя все пять последних лет неустанно учила Ярослава книжной премудрости и христианской вере.

Полоцкая княжна, по признанию книжников, была самой образованной женщиной Киевской Руси. В ее обширной библиотеке находились сочинения древнегреческого ученого и философа Аристотеля (воспитателя Александра Македонского), ученого из Сиракуз Архимеда, организатора обороны Сиракуз против римлян, грека Герострата, который, чтобы обесмертить свое имя, сжег в 356 году до новой эры храм Артемиды (одно из 7 чудес света), легендарного, слепого эпического поэта Гомера, автора «Илиады» и «Одиссеи», философа Диогена Синопского, практиковавшего во всем крайнюю воздержанность, и по преданию жившего в бочке, Цицерона, римского оратора и писателя... А сколько было у Рогнеды скандинавских саг, богослужебных книг!

Мать не переставала дивиться сыну. Учение ему давалось с такой легкостью, что она нередко восклицала:

– Я не знаю ученика, который бы в такие лета постиг греческий, немецкий и свейские языки. Ты, Ярослав, всё схватываешь на лету. Иногда мне становится страшно за тебя.

– Отчего ж, матушка?

– Ты опережаешь свои годы. То, что ты познал, другому и в двадцать лет не осилить. Не ощущаешь тяжести в голове? Всегда ли она светла? Надо больше отдыхать.

– Книга – лучший отдых матушка. Разве не полезно познать труды зело мудрых мужей, у коих многому можно научиться? Я так бы никогда и не узнал, что Аристотель был воспитателем самого Александра Македонского, и что поэт Гомер написал блестящую «Одиссею», да еще, будучи не зрячим. Разве то не полезно?

– Полезно, сынок. Но кто много познает – с того много и спросится. Умная голова не для праздного веселья, а для великих трудов, и чует мое сердце, что вся жизнь твоя пройдет в трудах неустанных. И еще запомни, сынок. Труд тогда угоден Богу, когда он творится не во зло, а во благо...

Потрескивали восковые свечи в бронзовых шандалах, а Рогнеда все говорила, говорила.

Ярослав чутко внимал ее неназойливым наставлениям, и с каждым разом проникался к ней всё большей любовью и восхищением, благодаря Бога, что ниспослал ему такую мудрую мать.

Светские и духовные книги все больше и больше занимали Ярослава. Мир познания настолько увлекал отрока, что он до поздней ночи оставался в книгохранилище и с неохотой возвращался на мужскую половину Теремного дворца, сопровождаемый двумя гриднями, освещавшими путь слюдяными фонарями.

Отца почти никогда не было дома. Он давно уже забросил детей и на долгие месяцы выезжал то Белгородок, то в Берестово, то в Вышгород – на утехы к бесчисленным наложницам.

Дядька-пестун недовольно говаривал:

– Не дело, княжич, у матери пропадать. После пострига и «всажения на конь» твое место в княжьих палатах. Владимир Святославич и осерчать может.

– Не осерчает. Я каждое утро себя к ратным подвигам приобщаю.

– Да уж нагляделся. Дело нужное. Мне из тебя надо воина воспитать, а не келейного монаха. Уж слишком ты на книги налег, княжич.

– Без книжного разуменья – во тьме блуждать, дядька.

– Великий князь в грамоте не горазд, а получше всякого книжника дело разумеет.

– По Вышгороду и Берестам, – сорвалось с языка Ярослава.

Дядька аж руками за голову схватился.

– Ты вот что, княжич, я по доброте своей твоих слов не слышал. Не вздумай так отцу молвить, беды не оберешься.

Ярослав и сам уразумел, что сморозил лишнее, и густо покраснел. Любовные похождения отца ни для кого не были тайной, но в Теремном дворце об этом никто не смел и словом обмолвиться: Владимир Красно Солнышко, воспетый в былинах, собиратель богатырей и любитель веселых пиров, терпеть не мог, когда его уличали в блуде. Тогда он становился злым и беспощадным.

Старались держать рот на замке, лишь одна Рогнеда могла бросить в лицо супруга:

– Ненасытный развратник!

Владимир гневался. Все его жены – тише воды, ниже травы, а эта, словно разъяренная тигрица. Раз осадил, два, а на третий выдворил строптивую супругу в село Предславино.

Ярослав, в одночасье потеряв любящую мать и наставницу, кинулся к родителю и воскликнул в запале:

– Отец! Зачем ты прогнал мою мать?! Зачем?

Владимир глянул на сына удивленными глазами. Никогда еще Ярослав не врывался в его покои таким дерзким и взбудораженным.

– Ты что, белены объелся? Чего кричишь?

– Верни мать, отец!

Владимир Святославич встряхнул сына грузными руками.

– Забываешься! Отца поучаешь?! Да как ты смел, дерзкий мальчишка, на родителя рот раскрывать? Прочь с глаз моих!

Ярослав вспыхнул как огонь, норовил высказать отцу что-то злое, обидное, но с трудом сдержал себя и выбежал из палаты.

Это была его первая стычка с великим князем. Он влетел в свою опочивальню, ткнул в подушку, и слезы выступили на его глазах. Ему жалко стало мать. Он видел и чувствовал, как она остро переживает нескончаемые измены отца, – страдает, мучается, осуждает и ревнует, но ничего с собой поделать не может. Она часто вспоминает свой отчий Полоцк, безмятежную жизнь, грубо нарушенную Владимиром.

Красивая и гордая княжна, воспитанная таким же гордым и вольнолюбивым отцом Роговолодом, человеком умным и глубоко образованным, грезил о возвышенной всепоглощающей

любви, а получила взамен жестокого деспота, кой захватил ее силой и чуть ли ни на аркане привез в Киев.

Здесь, в богатейшем дворце, она чувствовала себя как в клетке и терзалась душой, и всё еще надеялась, что оставшиеся живыми полоцкие родственники, связанные со скандинавами, соберут войско и отомстят Владимиру за убийство ее отца и братьев. Но король Олаф не посмел выступить на Киевскую Русь.

Рогнеда долго не могла прийти в себя, а когда боль ее несколько притупилась, она нашла себе отдушину в воспитании детей. Но ни Изяслав, ни Всеволод, ни Мстислав не тяготели к наукам, предпочитая им дворовые забавы. А вот в Ярославе она нашла не только прилежного, но и страстного ученика, кой самозабвенно углубился в книги. Рогнеда с радостью наблюдала, с какой жадностью поглощает Ярослав древние пергаментные рукописи, как дотошно вникает в смысл написанного, многое запоминая наизусть, будь то светское сочинение или богослужебная книга.

Иногда Ярослав отрывался от книги и восторженно восклицал:

– Какие же мудрые люди! Какое богатство суждений, особенно в речах Цицерона. Он не придворный сочинитель римского властителя. Отнюдь! Его девятнадцать трактатов по риторике, политике и философии говорят о глубоких преобразованиях и новинах...

Шаг за шагом Ярослав становился первым книжником Руси.

И вот его разлучили с матерью.

«Отец поступил жестоко, он даже не позволил ей книги взять. Чем же матушка будет заниматься?» – обеспокоился Ярослав.

Он пришел в книгохранилище, отобрал несколько книг, тяжелых, облаченных в доски и кожаные переплеты, с золотыми и медными застежками и сложил их в довольно обширный сундук, обитый медной жостью.

«Поеду к матушке. Обрадую ее», – подумал Ярослав, но тотчас огорченно опустил на сундук. Никто его из терема не отпустит: по негласному правилу любой из княжичей не имел права уйти из дворца без ведома князя или дядьки-пестуна.

Пошел к Добрыне Никитичу.

– Собрался я мать навестить, Никитич. Да и книги ей привезу.

– Не дело придумал, княжич. Дождись отца.

– Но отец отбыл в Вышгород. Когда-то он вернется. Тебе, Никитич, решать.

– Не волен, княжич. Владимир Святославич особо наказал: никого к Рогнеде не допускать.

– Даже детей?

– Даже детей, Ярослав.

– Но ты же у меня добрый дядька, не зря тебя Добрыней зовут.

– Это я с виду добрый, а как на печенегу пойду, злей меня на свете нет.

– Да уж ведаю. Не тебя ли в лихолетье за Ильей Муромцем посылали?

А как тут-то они думали:

– А нам есть кого за Ильей позвать.

А пошлем-ка мы Добрынюшку Никитича —

Он да ведь ему крестный брат,

А крестовой-то братец да названный,

Так он-то, бывает, его послушает...

– Ишь ты, – довольно улыбнулся дядька. – Не зря тебя книжником прозывают. Но ты меня не задобришь. Жди отца!

Глава 18

К Рогнеде!

Ранним утром, облачившись в рыбацью одежду и прихватив с собой удилище, Ярослав устремился к Днепровским воротам крепости. Ведал: по утрам ворота распахиываются, через кои начинают сновать люди из Детинца и Подола. Благополучно спустившись с Горы к Днепру, Ярослав вошел в небольшой срубец перевозчика Епишки. Тот, зарывшись с головой в облезлый бараний козушок, громко храпел на куче сена.

Епишку ведал каждый киевлянин. Когда-то он служил в дружине князя Владимира. Был весельчак, отменный кулачный боец, но и великий бражник. Пивко да меды его и сгубили. Не было дня, чтобы Епишка вдрызг не напивался. Только бы пить, да гулять, да дела не знать. Бражник, хватив лишку, воинственно драл горло:

– Пьем да людей бьем: знай наших, поминай своих!

Владимир хоть и сказал, что «Руси – есть веселие пити, не можем без него быти», но Епишку из дружины изгнал. Тот возмущенно сучил на Торжище увесистыми кулаками, доказывая, что он первый трезвенник:

– Аль было со мной такое, что двое ведут, а третий ноги переставляет? Бражник лежит, дышит, собака рыло лижет, а он и слышит, да не может сказать: цыц! Было? Ни в жисть не было! Епишка по одной половице пройдет – николи не пошатнется. Да тверезей меня на белом свете нет!

Народ смеялся, а Епишка всё махал пудовыми кулаками, а потом шел с горя на Почайну к бурлакам да ярыжкам, где всегда находил дружков-питухов.

Вино, когда человек своей меры не ведаёт, не молодит, не даёт живительной силы, а кружит в старость, и никому ты уже не нужен, как гнилая солома в омете. Побродяжил, побродяжил Епишка по Киеву, поскитался по углам и подался в перевозчики...

Ярослав едва растолкал Епишку. Тот обросший, всклокоченный, высунул свою лешачью голову из козушка, хрипло спросил:

– Чо те, юнота?

– Перевези через Днепр, Епишка.

У Епишки сивая борода до колен, глубокие морщины испещрили широкий лоб. Ныне ему уже за пятьдесят, но сила в руках ещё осталась. Народ на перевозчика не обижался.

Епишка протяжно зевнул, обнажив щербатый рот, закричал, протер узловатыми кулаками глаза.

– В своем уме? Была нужда мне огольцов возить.

– Я заплачу, Епишка.

– Ты? – закудахтал перевозчик. – Да у тебя всех денег – вошь на аркане, да блоха на цепи. Не смейся.

Ярослав выудил из-за пазухи серебряную гривну.

– Держи, Епишка.

Епишка глаза вытаращил. На гривну можно три десятка ярыжек до повалячки напоить.

– Откуда, юнота?.. Аль купца обокрал?

– Не твоего ума, Епишка. Вези!

Перевозчик проворно запрягал гривну в зепь⁴² портков, изрек довольным голосом:

– Стрелой по Днепру полечу! Прыгай в учан!⁴³

---

⁴² *Зепь* – древнее название кармана.

⁴³ *Учан* – речное грузовое судно.

Перевозом через Днепр занимался не только Епишка, но и добрый десяток киевлян – владельцы разных речных судов: челнов, учан, расшив, стругов, ладий. Смотри какая надобность была в перевозе – ратная, торговая, по всевозможным хозяйственным нуждам.

Выбор Ярослава выпал на Епишку. А тот скрипел уключинами, и всё ломал голову:

«Откуда у этого огольца такие деньжищи? Кажись, не боярский и не купеческий сынок, а отвалил целую гривну. Да за неё можно столь свежей рыбы укупить, что в три горла всей Почайне не изъесть. А этот с одним удилом на обратную сторону Днепра подался. Чудаковатый юнец!.. Э, да чего зря кумекать, когда вечер богатая выпивка ждет».

– Когда вспать, юнота?

– А когда шапкой махну.

Не махнул шапкой Ярослав, а направился лесной дорогой до села Предславино. Долог путь. Мать на прощанье молвила, что отец удаляет ее за тридцать верст. Крепкую стражу к ней приставил, дабы не надумала в Полоцк сбежать.

Шел Ярослав с отрадными мыслями. К матери идет. Вот утешится, да и он, Ярослав, будет счастлив. Привык он к матери, всем сердцем прикипел. Ведь она не просто мать, а искусный учитель, чьи познания не имеют предела. Как такую мать не боготворить?

Прошел две, три версты и вдруг остановился. Развилка! Господи, по какой же дороге следовать? Вот и думай, как богатырь на распутье. И тот, и другой поворот добротнo тележными колесами наезжен.

Надо ждать. С той или иной стороны должен кто-то пойти или поехать. За спрос денег не берут.

Час просидел, другой – тишь! Так можно и до повечерницы просидеть. Не ночью же к матушке добираться.

Отчаяние охватило Ярослава. Ну, хоть бы кто-то показался!

И послышалось, и показалось. Со стороны Киева мчались оружные вершники.

«Уж, не за мной ли гонятся?» – смекнул Ярослав и проворно подался в заросли.

Вершники домчали до развилки и повернули влево. В одном из могучих всадников княжич узнал Добрыню. Так и есть, – погоня. Никитич полетел до Предславина и дорогу указал. Лети, лети, Добрынюшка!

Повеселел Ярослав: ныне он наверняка до матери доберется. Но надо поторапливаться, иначе может и ночь настигнуть. А там вся нечисть вылезет: черти, лешие, злые духи. От них только крестом спасешься да молитвой. Но до ночи еще далеко, поспешай, Ярослав!

Но опрометью не кинешься: хромота не позволяет. И чем больше он поторапливается, тем всё больше ноет правая нога. Только бы совсем не разболелась. Да и поспешать нелегко: под пестрядинной рубахой запрятана тяжелая книга в дощатом переплете. Библия! А в ней едва ли не четь⁴⁴ пуда. Матушка особенно боготворит Священное писание. Возрадуется ее душа.

Подустал Ярослав, ногу поднатер. Сошел с дороги, присел на валежину и скинул рыбацкие чеботы; затем откинулся в густое, пахучее дикотравье. Ох, какая благодать! Воздух упоительный, шелест листьев убаюкивающий, а под спиной мягкая колыбель.

«Чуток полежу, отдохну и дальше пойду... К матушке... любимой матушке».

Уснул Ярослав, сладким сном уснул, а когда очнулся, румяное солнце уже клонилось к закату. Всполошился! Как долго он почивал. Теперь нечего и мыслить о дневном переходе. И часу не пройдет, как на лес навалятся сумерки, а за ними и ночь набросит черное покрывало. Вот тогда-то и выскочит вся нечисть.

Стал Ярослав. Нет, не от ужаста, а от жажды голода. Ко многому он себя приучил за последние три-четыре года, а вот про такое испытание забыл. (Отец рассказывал, что Свято-слав целыми днями мог обходиться без пищи). Как же он так опрометчиво пустился в дальний

---

⁴⁴ Четь – четверть пуда.

путь, не прихватив с собой никакой снеди. Сейчас он был бы рад даже самой черствой корочке. Господи милостивый, что же делать? Не покинь, не оставь в беде!

Всё обрушилось на Ярослава: и ночь, и голод, и зудящая нога, и нечисть. Вот и лешак страшно заухал.

Ярослав осенил себя крестным знаменiem, вытянул из-под рубахи, опоясанную кожаным ремешком Священную книгу, и неустрашимо молвил:

– Сгинь, сгинь, нечистая сила! Не одолеть тебе Божьего слова. Со мной Христос и святые угодники. Сгинь!

И он зашагал дальше. В бархатном небе сверкали крупные золотистые звезды, однорогая луна освещала его путь.

Жажда и голод давали о себе знать, но он все шел и шел. Во рту пересохло, язык стал шершавым, а шаги его становились всё копотливее и копотливее. Ступня ноги стерлась до крови, и теперь каждый шаг давался ему с большим трудом. Превозмогая усталость и боль, он прошел еще с полверсты и обессилено рухнул на обочину дороги.

А лешак тут как тут! Сел неподалеку и, трясая зеленой лохматой бородой, гулко захохотал...

Глава 19

Твердость Рогнеды

– Я приехал за Ярославом, княгиня, – сразу же молвил Добрыня Никитич.

– За Ярославом? – переспросила Рогнеда, и глаза ее стали настолько изумленными, что Добрыня понял: княжича у матери нет.

После рассказа пестуна, Рогнеда страшно встревожилась:

– И как же он отважился? Пешком, дорога дальняя, а лес изобилует зверем. Как же ты недосмотрел, Добрыня?

– Углядишь за ним. Почитай, среди ночи поднялся. Я к нему стражу не приставлял. А он и через крепостные ворота прошел, и перевозчика Епишку каким-то образом уговорил. (Не сказал Епишка о гривне).

– Да что он, слепой был твой Епишка?

– Перевозчик княжича отродясь не видел. Тем более рыбаком приделся... И куда мог запропасться? Подождем час, другой.

– Чего ждать, Добрыня? – напустилась на пестуна Рогнеда. – Ищи моего сына!

– Легко сказать... Погодь, погодь, княжна. Ярослав ведал дорогу в Предславино?

– Откуда?

– Тогда всё ясно, – приободрился Добрыня. – Княжич дошел до развилки и направился не по той дороге. Не тужи, княжна, разыщем!

Дружинники с гиком и свистом поскакали от терема. Но чем больше проходило времени, тем все беспокойнее становилось на душе княгини. А что, если Ярослав пошел по нужной дороге? Он услышал позади себя топот коней и запрятался в лесу, а когда дружинники проехали, вновь отправился в Предславино. А вот что далее с ним приключилось – одному Богу известно. С лесом шутки плохи.

Рогнеда позвала тиуна.

– Пошли трех конных холопов по дороге к Днепру, и пусть они постоянно кличут Ярослава. И чтоб факела не забыли. Ночь надвигается.

Не подвело чутье матери: через два часа Ярослава привезли в терем.

– Не зря я молилась Пресвятой Богородице. Помогла-таки, заступница! – горячо обнимая сына, восклицала Рогнеда.

– Конечно же, помогла. И Священное писание поддержало, матушка.

– Сыночек ты мой, любимый!

Разговор с Добрыней был тяжелым.

– Я должен выполнить княжеский приказ, Рогнеда. Место Ярослава в киевском дворце.

– Владимир уехал в Вышгород к своим наложницам. Греховодник! До детей ли ему? Он и думать о них забыл!

Рогнеда говорила о супруге с откровенной ненавистью.

– Не нам судить, княгиня, о деяниях великого князя.

– Деяниях? – глаза Рогнеды сверкнули злым огнем. – Всему белому свету ведомы его деяния. Похотник! Не защищай его, Добрыня!

– Но изволь, княгиня. Владимир Святославич больше известен миру своими ратными победами.⁴⁵

---

⁴⁵ Однако летописцы, историки, в том числе и В. Соловьев отмечали: «Владимир вовсе не был князем воинственным, не отличался удалью, подобно отцу своему Святославу, в крайности решался на бегство перед врагом, спешил укрыться в безопасном месте; предание, сохранившееся в песнях, также не приписывает ему личной отваги».

– На Страшном суде всё взвесят. Две-три победы Владимира не перетянут его великие грехи, которым несть числа. Непотребник!

Добрыня Никитич, убедившись, что спорить с Рогнедой бесплодно, вновь перекинул разговор на княжича:

– И все же я не могу оставить без внимания приказ Владимира Святославича. Я увезу Ярослава в Киев.

– Не увезешь! – непоколебимо высказала Рогнеда. – Я еще пока великая княгиня, и ты, Добрыня Никитич, не хуже меня ведаешь древние законы. Когда великий князь уходит из столицы, державой правит его жена. Не забыл, кто оставался на троне Киевской Руси, когда Святослав сражался с печенегами, хазарами и византийцами?

– Княгиня Ольга.

– А посему отбывай с Богом в Киев без Ярослава. То уже мое повеленье. А с супругом я сама буду говорить.

Добрыня отступил. Все знали о твердом нраве Рогнеды из Полоцка, коя славилась не только своей образованностью, но и честолубием.

Этого-то всегда и опасался Владимир Святославич. Честолубивых людей он не держал в своем окружении, а «умники» и «книжники» его всегда раздражали. И все потому, что сам Владимир был настолько равнодушен и ленив к учебе, что даже не постиг азов грамоты.

У Владимира было много жен, но первой была Рогнеда Полоцкая, а раз первая – она и великая княгиня. Остальные жены не в счет: они просто жены, покорные и во всем послушные. У них одна задача – встречать господина сияющей улыбкой, бесстыдно показывать свое роскошное тело, страстно ублажать и плодить государю крепких наследников, продолжателей рода. Если вдруг одна из жен остывала в любви, Владимир тотчас выпроваживал ее в монастырь. Опустевшее место долго не пустовало: на нем вскоре оказывалась новая юная красавица...

С Рогнедой всё было не так. Она была самой прекрасной, щедротелой из жен, но всегда встречала редкое посещение супруга с неприкрытой холодностью. Владимиру нередко приходилось овладевать ею силой, что еще больше отдаляло Рогнеду от распаленного супруга.

Владимир давно уже собирался удалить строптивую жену в какую-нибудь обитель, но ему мешали дружественные связи со шведским королем, чьи две дочери были замужем за младшими сыновьями полоцкого князя Роговолода. Именно из Полоцка и привезла Рогнеда в Киев греческие, немецкие, шведские и византийские книги, большим любителем которых был ее покойный отец.

Владимир ограничился ссылкой Рогнеды в Предславино.

Совсем другой становилась Рогнеда, когда встречала в своих покоях Ярослава – улыбчивой, оживленной, глаза ее наполнялись радостным блеском.

– Ну что, сынок, примемся за науки? – обычно спрашивала она. – О чем бы ты хотел сегодня послушать?

– О жизни Юлия Цезаря и Ветхом Завете Священного писания, матушка. Мне кажется, что Ветхий Завет слишком разнится с Новым Заветом, и сие меня смущает.

– Вот мы и разберемся, сынок...

Добрыня долго не отваживался рассказать возвратившемуся из Вышгорода великому князю о бегстве сына, а когда, наконец, поведал, тот лишь отмахнулся:

– Глуп еще. У Рогнеды он долго не задержится.

Но Ярослав задержался у матери надолго: отцу пришлось вступить в несколько сражений.

Глава 20

Увенчанный победами

Польский король Мстислав завоевал города, взятые у ляхов еще князем Олегом в Галиции.

Великий князь собрал большую дружину и вновь отобрал у Польши Червень и Перемышль, и некоторые другие города, кои с той поры перешли в достояние Руси и стали называться *червенскими*.

В следующие два года Владимир Святославич подавил бунт вятичей, не вожделевших платить дань, и завоевал страну ятвягов, дикого, но смелого латышского народа, обитавшего в лесах между Литвой и Польшей.

Были и новые победы.

Родимичи, данники великих князей со времен Олега, вознамерились объявить себя вольными. Владимир послал на них своего отважного воеводу, прозвищем *Волчий Хвост*, кой встретился с войском родимичей на берегах реки Пищаны и наголову разбил мятежников. Они смирились, и с того времени на Руси появилась пословица: *родимичи от волчьего хвоста бегают*.

На берегах Волги и Камы издревле обитали булгары. Славились широкой торговлей, имея сообщение посредством судоходных рек с севером Руси, а через Хвалынское⁴⁶ море – с Персией и другими богатыми странами.

Владимир Святославич, жажда завладеть Камской Булгарией, отправился на ладьях вниз по Волге вместе с новгородцами. Берегом шли конные *торки*.⁴⁷

Великий князь победил булгар, но когда он начал оглядывать пленников, то приключился забавный случай.

Добрыня Никитич, увидев булгар в добротных сапогах, молвил Владимиру:

– Сии люди не пожелают быть нашими данниками. Они зажиточны, а посему всегда сыщут возможность обороняться. Пойдем, князь, выискивать лапотников.

Владимир уважил суждение своего пестуна и заключил мир с булгарами, кои торжественно поклялись своими богами жить в дружбе с русичами, утвердив клятву такими словами:

– Мы тогда нарушим свой договор, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде.

Великий князь с честью и дарами возвратился в стольный град.

И всё же главной заслугой Владимира был перелом в политике княжеской власти. Вместо далеких походов Владимир главное внимание устремил на создание обороны и сплочению огромной державы под своей властью.

Русь к этому времени объединила всех восточных славян и охватывала почти всю Восточную Европу. Западные рубежи доходили до Вислы; на севере граница исчезала в необозримой тайге вплоть до Печеры и Верхней Камы; на востоке подвластные Руси земли доходили до Оки. Южное порубежье шло по кромке степи, но в нескольких местах русские города оказывались значимо южнее, – по ту сторону степного раздолья. Таковы древний Белгород и далекий Тмуторокань у Керченского пролива.

Править такой огромной державой было нелегко, поелику не было дорог, устойчивой связи между городами и между отдельными племенами. Тяжко и защитить такое государство от степняков; одна только южная граница тянулась на тысячи верст.

Трагическая судьба Святослава напомнила о надобности оградить русские земли по всему лесостепному порубежью от разорительных печенежских набегов.

И сказал Владимир:

---

⁴⁶ Хвалынское – Каспийское.

⁴⁷ Торки – обрусевшие кочевники из племени торков, когда-то поселенного русскими князьями под Киевом.

– Плохо то, что мало крепостей вокруг Киева.

И повелел ставить города по Десне, Остру, Трубежу, Суле, и по Струге.

Крепости имели два ряда валов и стен с башнями и полыми резонаторами – особыми устройствами для того, дабы услышать подкоп под стены.

На важных крепостях, прикрывавших броды через Днепр, возводились башни для сигнальных костров: коль печенеги появятся у Зарубинского брода, то сигнальный огонь увидят в Витичеве, а витичевский сигнал узрят в самом Киеве. Гонцам надобно было скакать до столицы два дня, а при помощи таких огней через несколько минут киевский князь уже располагал сведениями, что ворог у рубежа Руси.

Из пяти рек, на коих возводились новые крепости, четыре впадали в Днепр слева. На Левобережье крепости были надобны в силу того, поелику здесь меньше было природных лесных заслонов, и степь доходила без малого до самого Чернигова.

Ныне же, после творения оборонительных линий, печенегам приходилось преодолевать четыре прикрытия.

Первым был рубеж на реке Суле, коя двести лет служила границей между русскими и кочевниками. Первая крепость-гавань была возведена в устье реки, куда могли заходить во время опасности днепровские суда. Укрепленная гавань носила присущее название Воин. Далее по Суле крепости стояли на расстоянии 15–20 верст друг от друга.

Если печенеги преодолевали этот рубеж, то они встречались с новым заслоном по Трубежу, где был один из крупнейших городов Киевской Руси – Переяславль.

Иногда это препятствие печенегам удавалось взять или обойти, и перед ними открывались пути на Чернигов и Киев. Но перед Черниговом лежали оборонительные заслоны по Остру и Десне, затруднявшему подход к богатому городу.

Дабы попасть с левого берега Днепра к Киеву, печенегам необходимо было перейти реку вброд под Витичевом и далее одолевать долину Стугны. Но именно по берегам Стугны Владимир и поставил свои крепости.

Витичев стоял на высокой горе, опоясанный мощными дубовыми стенами, имея сигнальную башню на вершине горы. При первой же опасности на башне зажигали огромный костер, и так как оттуда простым глазом был виден Киев, то в столице немедля по пламени костра узнавали о появлении печенегов на Витичевском броду.

Стугинская линия окаймляла «бор велик», окружавший Киев с юга. Это было уже последнее оборонительное прикрытие, состоявшее из городов Треполя, Тумаша и Василева и соединявших их валов. В глубине его, между Стугной и Киевом, Владимир построил в 991 году огромный город-лагерь, ставший резервом всех киевских сил – Белгород.⁴⁸

Князь Владимир испытывал большую надобность в крупном войске и охотно брал в свою дружину добрых молодцев из смердов.

Победы над печенегами праздновались всенародно и пышно. Князь с боярами и дружиной пировал на «сенях» (на высокой галерее дворца), а на дворе ставились столы для народа. На пиры съезжались посадники и старейшины из всех городов и множество иных людей.

Знаменитые пиры Владимира, являвшиеся самобытным способом вовлечь в дружину, воспеты летописцами:

Во стольном городе во Киеве,
У ласково князя у Владимира
Было пированьице почестен пир

---

⁴⁸ Об этой пограничной линии писал русский летописец, современник Владимира, об этих же порубежных крепостях-заставах пел свои песни народ: На горах, горах да на высоких, На холме да на окатистом, Там стоял да тонкий бел шатер. Во шатре-то удаленьки добры молодцы... Стерегли-берегли они красен Киев-град.

На многих на князей на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых
На всех мужиков деревенских.

Народ создал много былин о князе Владимире «Красном Солнышке», о Добрыне Никитиче, об Илье Муромце, о борьбе с Соловьем-Разбойником, о походах в далекие земли, и о крепких заставах богатырских, охранявших Киевскую Русь от «силушки поганой».⁴⁹

---

⁴⁹ Как устный учебник родной истории, пронес народ торжественные и величавые напевы былин через тысячу лет своей многотрудной жизни, дополняя былины новыми героями, новыми событиями и обращаясь к ним в тяжелые годы лихолетий.

Глава 21

Отчаянный шаг

Когда отец победно воевал и возводил крепости, душа Ярослава заметно оттаивала. Родитель-то, оказывается, не только «распутник», как заявляет мать, но и доблестный воин. Ишь, как Русское государство укрепил и приумножил!

Ярославу хотелось облачиться в доспехи, вскочить на боевого коня и во весь опор мчаться на неприятеля. Он выбегал во двор и, размахивая мечом, задорно кричал:

– Князь начинает! Дружина лети на врага!

Рогнеда, поглядывая на сына из окна, думала:

«Быть Ярославу и добрым книжником и великим воином».

Киевский князь заехал к Рогнеде совсем неожиданно. Она давно уже не лицезрела мужа, и боль ее всё еще не улеглась. Она никак не могла забыть убийство Владимиром отца и братьев, но не могла простить и измены в любви, и когда великий князь задремал, Рогнеда решилась на отчаянный шаг, но прежде чем его выполнить, она вошла в горницу спящего сына и положила возле него меч.

Затем Рогнеда вернулась к мужу с кинжалом в руке. Перед ней размеренно вздымалась широкая грудь Владимира, обтянутая тонкой шелковой рубахой.

– Умри, злодей! – воскликнула Рогнеда, но князь тотчас очнулся и успел отвести удар.

– Сучка! Как ты посмела поднять на меня руку?! Я убью тебя! – в бешенстве закричал Владимир.

– Тебе не привыкать! – в запале отвечала Рогнеда. – Ты зверски убил моего отца и братьев, а теперь ты не любишь ни меня, ни детей. Ты – гнусный распутник! Злодей и распутник! Теперь можешь убить меня!

Рогнеда кричала громко, весьма громко.

– Я с удовольствием это сделаю. Задушу тебя своими руками!

Владимир, словно разъяренный бык, двинулся на жену.

Но в эту минуту из соседней горницы, дверь коей была приоткрытой, вышел Ярослав и протянул Владимиру обнаженный меч.

– Ты здесь не один, отец. Твой сын будет очевидцем. Убивай!

Ярославу было уже двенадцать лет, и свои слова он произнес как взрослый человек. Именно с этой жуткой минуты кончилось его детство.

Владимир в упор глянул сыну в глаза. В них не было ни малейшей робости, напротив, они были дерзкими и осуждающими. И эти глаза остудили Владимира.

Великий князь круто повернулся и вышел из покоев Рогнеды.

Приехав в Киев, он собрал бояр и спросил их совета, на что княжьи мужи ответили:

– Государь, прости Рогнеду и отошли ее в бывший удел отца Рогволода. Сим поступком ты покажешь мудрость своему народу.

Великий князь прислушался к совету бояр.

Глава 22

Мечом и ядом

Еще при князе Игоре, более чем за полвека до 988 года, в Киеве уже была церковь во имя Ильи, обслуживавшая ту часть дружины Игоря, коя, по словам летописи, исповедовала христианство и при заключении договора с греками, клялась именем христианского бога, в то время как прочие дружинники клялись Перуном.

К периоду княжения Владимира число христиан в княжеской дружине заметно возросло, а посему давление со стороны дружины, с одной стороны, и греческих царей, на сестре коих Владимир намеревался жениться, с другой, понудило Владимира задуматься о принятии новой веры. Но он не спешил, помыслив допрежь приглядеться к разным религиям.

В 986 году пришли к Владимиру Святославичу болгары магометанской веры и сказали:

– Ты, князь, известен многими победами в Европе и Азии. Мы ж – твои ближние соседи.

Так исповедай одного бога с нами, прими наш закон и поклоняйся Магомету.

– Каков же ваш закон?

– Веровать в бога, совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина.

– А по смерти?

– Сплошные загробные радости. Можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен...

Описание рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя, но обрезание казалось ему ненавистным обрядом, а запрещение пить вино – уставом безрассудным.

– Вино, – сказал он, – есть веселье для русских людей. Мы не можем без него. Не по нутру мне ваша вера.

Затем пришли послы немецких католиков и говорили Владимиру о величии невидимого вседержителя и ничтожности идолов.

– Пост, – заявили они – по силе. – И тут же пояснили:

– Пить и есть можно во славу Божию.

Их слова показались Владимиру довольно странными. Туманная заповедь. То ли пост есть, то ли его нет. И князь молвил:

– Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не принимали веры от папы.

Вслед за католиками пришли к Владимиру иудеи.

– А где земля ваша? – спросил великий князь.

– В Иерусалиме.

– Да точно ли она там? – усомнился Владимир.

Иудеи на некоторое время замялись, и всё же ответили:

– Бог разгневался на иудеев и рассеял нас за грехи по землям чуждым.

Владимир Святославич строго, с долей назидания произнес:

– И вы дерзнули прийти ко мне, дабы я принял ваши иудейские законы? Тем, кого за грехи покарал бог, нельзя учить других своей вере. Если бы бог любил вас, то не были бы вы рассеяны по чуждым землям. Или и нам того же алчете, дабы мы лишились своего Отечества?

Последним пришел к Владимиру Святославичу греческий богослов. Опровергнув другие веры, он рассказал князю содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: историю творения рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, христианства с изображением праведников, идущих в рай, и грешников, осужденных на вечную муку.

Богослов без обиняков заявил, что ислам оскверняет небо и землю. Ритуальные омовения грек-византиец описал с такими омерзительными подробностями, что Владимир Святославич сплюнул:

– Нечисто это дело.

Отпустив богослова, великий князь собрал в гриднице бояр.

– Со многими я повидался и многих выслушал, но религия греков мне больше всего пришлась по душе. Мудро богослов изрекал.

Князю бояре резонно ответили:

– Своего никто не бранит, но хвалит. Надо бы, князь, отправить по разным странам здравых послов, дабы те на месте познали каждую веру, а после уж и решать, что делать.

Князь не воспротивился. Принять новую веру – весьма важное дело для всей Руси. Тут поспешать возбраняется.

Владимир Святославич отобрал десять благоразумных мужей, и те пошли в разные земли.

Послы увидели в стране болгар скудные храмы, унылое моление и печальные лица. В земле немецких католиков – богослужения с обрядами, но без всякого величия и красоты.

Наконец, послы прибыли в Константинополь.

– Да созерцают они славу бога нашего! – воскликнул император и, зная, что варвары пленяются более наружным блеском, нежели внутренним содержанием, приказал вести послов в Софийский храм, где сам патриарх, облаченный в святительские ризы, совершал литургию.

Великолепие храма, присутствие всего знаменитого греческого духовенства, богатые одежды, убранство алтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили россиян. Им казалось, что сам всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми сочетается.

Возвратившись в Киев, послы с презрением говорили Владимиру Святославичу и дружине о богослужении магометан, с неуважением – о католической церкви и с восторгом о византийской.

– Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького. Побывав на службе в церкви Святой Софии, увидев патриарха в золотых ризах, мы уж и не знали – на небе мы или на земле, ибо нет на земле такого яркого зрелища и красоты. Надо принимать веру греков.

Послы сидели в Теремном дворце, с восторгом рассказывали о византийских христианах, а за окном, на княжьем дворе, стояли языческие боги, испачканные кровью, потемневшие от непогоды и опаленные огнями жертвенных костров.

Во дворце – разговоры о христианстве, а за его стенами стоит высоченный языческий Перун с серебряной головой, золотыми ушами и усами, с железными ногами, в окружении других богов. И кажется, что их резные лица стали еще более суровыми, словно они зрят и слышат, что происходит в княжеской гриднице. А коль слышат, то угрожают:

«Не вздумайте трогать языческую Русь! Не вздумайте рушить старину дедов и прадедов, иначе прольются реки крови. Остановитесь, князя и бояре!».

Но Владимир Святославич будто глух, не слышит грозного предсказания. Ум его занят собственным величием и желанием возвеличить Русь. Давно в голове его зреет план заключить брак с сестрой византийских императоров. Продолжая деятельную внешнюю политику Киевской Руси, начатую бабкой своей, великой княгиней Ольгой и отцом, великим князем Святославом, Владимир готов для этого не только принять христианство, устранив «такое существенное препятствие как язычество», но и добиться внушительного внешнеполитического успеха: породниться с царями второго Рима. В силу своего понимания супружеских прав и ответственности задуманный новый брак его не страшил. Более того, теперь его еще сильнее прельщал византийский блеск, о котором так ярко и красочно поведал посол, вернувшись из Греции. Добиться задуманного толкала и предыстория этого вопроса, которую он видел от своих книжников. В свое время еще княгиня Ольга, вознамерившись принять христианство, побывала на пышном приеме во дворце римского императора. Мысль породниться с величественной Византией, пришла ей уже тогда. Такая перспектива была полезна набирающей силы

Руси. Держал это в мыслях и Святослав, геройски погибший на поле брани. Унаследовал это тяготение и Владимир.

Князь Владимир неизменно интересовался, как идут дела в Царьграде и Риме. Один из сановников византийского двора, кой остановился в Киеве, рассказал Владимиру весьма любопытные вещи.

– У Константина Багрянородного, великий князь, был сын Роман. Ему и четырнадцати лет не исполнилось, как отец женил его по своему выбору.

– Так положено, Валант.

– Положено, – согласно кивнул сановник. – Но ты бы знал, великий князь, за кого император выдал своего сына.

– Надеюсь, ромейский царь без выгоды сына не оженил.

– Вся империя надеялась, но выбор Константина всех изумил. Он женил Романа... на дочери трактирщика. Трактирщика!

Князь Владимир вытаращил глаза.

– Да быть сего не могло. Сына кесаря – на простолюдинке?!

В лукавых глазах ромея промелькнула ухмылка.

– Такое и на Руси случается, великий князь.

Намек был более чем прозрачен. Далеко ходить не надо: ромеи хорошо ведали о рабыне Малуше князя Святослава. Владимир лишь хмыкнул в курчавую бороду.

– Дале изрекай, Валант.

– Девицу звали Анастасией, а при дворце ей дали имя Феофано.

– Что за странное имя?

– Означает – явление Богом. Дочь трактирщика обладала редкой красотой и принесла супругу Василия Второго и Константина Восьмого.

– Про Василия я зело наслышан. Лютый, кажись, человек.

– Скрывать не буду. Василий оказался жестоким человеком, и своими жуткими казнями над болгарами заимел кличку Болгаробойца. В одной из битв император захватил в плен 28 тысяч болгарских воинов. Василий приказал отсчитать половину, и 14 тысяч были ослеплены. Им вырвали оба глаза. Остальных ослепили на один глаз. И тогда император разделил пленных на пары: каждый слепой получил поводыря – и отпустил их по домам.

– Лихо расправился Василий. На Руси с пленниками так не поступают. А каков сопроводитель Константин?

– Тот совсем иного нрава, великий князь. Ему не до державных дел. Большой любитель вина, прекрасных женщин, лошадей и конских бегов.

– Прекрасных женщин? – живо заинтересовался Владимир.

– И не только женщин. Константин имеет несметное число юных наложниц. Даже чересчур юных. В его дворце можно увидеть десятилетних девочек. О распутстве Константина говорит вся империя.

– Ловок же ваш Константин, – заулыбался Владимир.

А ромей приметил, как похотливо заискились глаза великого князя.

– Но куда изворотливей оказалась сама Феофано. Она полна тщеславия. Ей пожелалось, чтобы ее муж завладел императорским престолом. Но отец Романа, Константин Багрянородный, имел отменное здоровье. Но это не остановило Феофано. Она искусно приготовила яд и влила его в кубок с вином. Смерть Константина была быстрой и легкой.

– И никто не заподозрил?

– Феофано всё тщательно обдумала. Кесарь имел привычку на ночь употреблять жаркое и запивать его легким вином. Когда он умер, Феофано вошла в спальню и вставила Константину кость в горло. Все подумали, что он задохнулся. Роман торжественно взошел на императорский престол.

– Ловка, ловка, плутовка.

– Она не только бестия, но и великая сладострастница.

– Да ну! – вновь оживился Владимир.

– Вся в мать. Бесстыдная и порочная. Феофано заимела любовную связь с полководцем Никифором Фока. Когда тот одержал победу над арабами и вернулся в Византию, Феофано вновь затащила его на свое ложе и пожаловалась, что ей надоел муж, который неделями не хочет лицезреть ее роскошное тело и что он должен умереть, а любовник станет новым императором. Фока согласился. Феофано применила тот же яд. Патриарх Полиевкт короновал Фоку в соборе святой Софии, а спустя четыре недели он венчает Никифора и Феофано. Но вскоре случилось невероятное. Не прошло и полгода, как Фока заговорил, что ему тягостна суетная слава, что единственное его вожелание – удалиться в тихую обитель. Он полностью прекратил употреблять мясо, постился, а своим друзьям, распахнув одежды, показывал грубую власяницу на голом теле, которой-де он, исполняя монашеский обет, истязает плоть.

– И как на сие посмотрела супруга?

– Отвратительно, великий князь. Сладострастница Феофано была оскорблена. Теперь она уже предается мечтам о новом муже – неистовом в любви и дерзком в военных делах.

– Однако ж, – покачал головой Владимир. – Вот тебе и «явление Богом». Таких похабных цариц Русь еще не ведала, да, пожалуй, никогда и не будет ведать. Наши жены, словно рабыни, и живут затворницами. Ну и Феофано, ну и похотливая кобылка!

– Истинно, великий князь. Муж все дни проводил в молитвах, а Феофано, прости Господи, искала себе нового кобеля. И тут в Царьград является блистательный и коварный витязь, магистр Иоанн Цимисхий, который и стал возлюбленным ненасытной Феофано. Она весьма довольна и высказывает Иоанну, что сейчас не может отравить своего мужа. Чересчур свежа память о Константине и Романе. Вельможи могут ее заподозрить. Тем паче, Никифор очень мнителен. Он не доверяет ни своим поварам, ни своей супруге. Его даже убить невыполнимо.

– Почему, Валант? Поведай подробней. Недоброжелателей и у великих князей предостаточно.

– Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте. Надо заранее все предусмотреть. Так сделал и Никифор Фока. На ночь он оставался в укрепленном дворце, а почивал в одиночестве на втором этаже. В первом же – он разместил личную охрану, а в спальню наверх вел единственный ход через помещение караула.

– Изрядно же Фока себя обезопасил.

– Но не для хитроумной Феофано. Ее план с Цимисхием был осуществлен в глухую зимнюю ночь. Она сумела спрятать своих людей еще днем в обширных палатах второго этажа. Ночью эти люди спустили веревку с большой корзиной, которую поджидали Цимисхий и двое его надежных друзей. Корзину удалось поднять в покои Никифора. Заговорщики осторожно вошли в темную спальню Фоки, и вдруг им стало страшно: Никифора на ложе не оказалось. Заговорщики оторопели, каждый подумал, что Фока выявил их коварный замысел и устроил им западню. Теперь им конец. Цимисхий отдал, было, приказ прорубаться через охрану, но тут кто-то в сумеречном свете увидел Никифора, который спал на медвежьей шкуре подле камина. Цимисхий уселся на трон и приказал: «Отрубите Фоке голову. Кончилось его царство!».

Утром Иоанн Цимисхий и Феофано с большой свитой появились в храме святой Софии. Иоанн потребовал, чтобы патриарх незамедлительно его венчал его короной Византийской империи.

Полиевкт возмутился:

– Венчать на царство?!.. Да у тебя, Цимисхий, кровь еще на руках не обсохла, а ты, убиец,ходишь в святыню империи!

Цимисхий отвечал:

– Я, святой отец, меча своего из ножен не вынимал.

И немедленно показал на своих друзей.

– Это они прикончили кесаря. Злодеи!

Феофано была восхищена любовником. Патриарх не осмелится отказать Иоанну, и он уже с нынешнего дня станет ее законным супругом. Но дальнейшие слова Цимисхия повергли Феофано в ужас:

– Хочу быть непорочным перед тобой, святой отец. Душегубство было свершено по указанию императрицы.

– Негодяй! – не своим голосом закричала Феофано. – Клянусь девой Марией, ваше священство, что Цимисхий клеветает!

Подобной измены императрице не могло привидеться и в самом кошмарном сне. А Полиевкту давно уже надоела прелюбодействующая императрица, бывшая трактирщица-плебейка. И он осознал: перед ним император, и надлежит поступать так, как будет угодно Цимисхию. Патриарх повелел изгнать Феофано и друзей Цимисхия, убийц Никифора, из Византии. Феофано сослали в дальний монастырь. Полиевкт водрузил на голову Цимисхия корону, которой совсем недавно венчал Никифора Фоку, прочитал необходимые молитвы, узаконив обрядом нового кесаря.

После рассказа Валанта великому князю, пожалуй, до конца стал понятен отказ бесстрашного Святослава от единоборства с Цимисхием: ни на самую малость не верил полководец в честность этого поединка, ясна и отповедь его римскому кесарю. Святослав разбирался в придворных тайнах Византии, хорошо ведал своего врага, не случайно так презрительно напомнил ему про те «многие способы смерти», кои Цимисхий умел избирать для других. По воле судьбы он также был отравлен. Правда, яд приготовила не Феофано. Она была в ссылке. Яд был составлен гораздо хуже. Цимисхий умирал в чудовищных муках.

Византия, по смерти Цимисхия, была жертвой мятежей и беспорядка. Знатные военачальники не желали подчиняться законным государям. Сии причины вынудили ромейских царей забыть обычную надменность и пренебрежение к язычникам.

Братья Василий и Константин надеялись с помощью сильного русского князя Владимира спасти трон и венец, и дали согласие на брак с Анной, но с непреложным условием, чтобы русский князь крестился.

Владимир Святославич мог бы креститься и у себя в столице, где уже давно появились церкви и христианские священники. Но князь хотел блеска и величия при сем важном обряде. Лишь одни греческие цари и патриарх казались ему достойными сообщить народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяли Владимиру унизиться неподдельным признанием своих языческих заблуждений и безропотно просить крещения. Он вознамерился *завоевать* христианскую веру и принять ее святыню рукой победителя. Тогда и народ проникнется к нему почтением.

Собрав крупное войско, великий князь пошел на судах к греческому Херсонесу. Выбор был преднамерен. Сей город признавал над собой верховную власть византийского императора, но не платил ему дани; выбирал своих воевод и наместников и повиновался лишь собственным законам. Жители его, торгуя во всех черноморских портах, наслаждались изобилием.

Владимир Святославич высадил на берег войско и со всех сторон окружил Херсонес. Издревле привыкшие к вольности, горожане храбро оборонялись.

Великий князь пригрозил им стоять три года под их стенами, коль они не сдадутся, но горожане отвергли его предложение в надежде на скорую помощь греков.

Владимир Святославич приказал насыпать высокий вал, но херсонцы свели на нет все работы русичей: сделав тайный подкоп, ночью уносили землю в город.

К счастью нашелся в Херсонесе доброжелатель, именем Анастас, кой пустил к россиянам стрелу с надписью:

«За вами, к востоку, находятся колодцы, дающие воду херсонцам через подземельные трубы; вы можете отнять её».

Великий князь поспешил воспользоваться советом доброхота и приказал перекопать водоводы. Горожане, оставшись без воды, вынуждены были сдаться.

Завоевав славный и богатый город, кой в течение многих веков умел отражать разные приступы, Владимир Святославич еще более возгордился своим величием и через послов объявил братьям-императорам Василию и Константину, что приспела пора, когда он желает видеть своей супругой их сестру Анну, а в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз со знаменитыми греческими царями казался лестным для его честолюбия. Этим воздавалась память отцу, Святославу, погибшему по предательству Цимисхия, и не завершившего цель встать на одну ногу с Византией.

Владимира прекрасно ведает, что творится на Западе. Германский король Оттон Первый, присоединив к своим владениям громадную часть Италии, провозгласил создание Священной Римской империи, как истинной наследницы великого Рима цезарей. При Оттоне Втором империя стала сильнейшим христианским государством Запада.

«А на востоке нет сильнее Киевской Руси», – не без гордости размышлял Владимир Святославич...

Братья Василий и Константин дали согласие на брак, но с вторичной оговоркой:

– Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Коль примешь крещение, о коем тебе и ранее высказывали, то и царствие небесное воспримешь, и сестру Анну получишь, и с нами единоверен будешь.

Владимир ответил византийским послам:

– Скажите царям вашим так: я крещусь ибо еще прежде испытал закон ваш и зело любя мне вера ваша и богослужение, о коем поведали мне посланные нами мужи. Присылайте сестру в Херсонес.

«И послушались цари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров».

Анна ужаснулась: супружество с князем русского народа, по мнению греков дикого и свирепого, казалось ей жестоким пленом.

– Иду как в плен, лучше бы мне здесь умереть, – заявила Анна.

Братья же молвили:

– У нас нет выхода, сестра. В стране мятежи, да и Владимир угрожает взять Царьград. Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны и мятежников. Видела, сколько зла причинила грекам Русь? И теперь, если не пойдешь, быть нам в страшной беде.

Едва принудили Анну. Она же, сопровождаемая духовниками и многочисленной свитой, села на корабль, с плачем попрощалась с ближними и отправилась через море.

Народ Херсонеса встретил Анну как свою избавительницу; та же попросила Владимира немедленно креститься. А Владимир неожиданно разболелся глазами и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что ему делать.

Анна послала к нему своих приближенных:

– Если хочешь спастись от недуга, то поскорей крестись, если не крестишься, то никогда не избавишься от недуга своего.

Услышав это, Владимир молвил:

– Коль вправду прозрею, то поистине велик бог христианский.

И повелел себя крестить.

Херсонский епископ и византийские пресвитеры торжественно совершили сей обряд. «И когда епископ возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир».

– Отныне я изведal истинного Бога! – воскликнул князь.

В церкви святого Василия последовало обручение и брак царевны с Владимиром – благословенный для Руси и весьма счастливый для Константинополя, ибо великий князь, как союзник императоров, немедленно отправил к ним часть своего войска, кое помогло Василию разбить мятежников и восстановить порядок в империи.

Владимир же, довольный браком, отказался от своего завоевания, возвратил византийским царям город и возвел в Херсонесе церковь – на том возвышении, куда горожане выносили из-под стен землю. Вместо пленников он вывел из Херсонеса одних иереев и того самого Анастаса, кой помог ему овладеть городом. Вместо дани взял церковные сосуды, иконы, мощи святого Климента и Фива, ученика его, и четырех медных коней, коих поставил за храмом пресвятой Богородицы.

Глава 23

Языческие верования

А еще восемь лет назад, вокняжившись в Киеве, Владимир и не думал разлучаться с язычеством. Напротив, приказал поставить деревянных кумиров шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Макоши, – по числу племен: поляне, древляне, северяне, дреговичи, кривичи полоцкие и словене новгородские. Строго настрого повелел:

– Доставлять в жертву богам не только скот и птиц, но и людей. Без одного не бывать трагическому и торжественному обряду.

«И осквернилась кровью земля Русская и холм тот!» – воскликнет летописец.

Киевом дело не ограничилось. Владимир отправил в Новгород Добрыню.

– Стоять главному богу дружины и на нашей северной окраине, и дабы вокруг Перуна пылали восемь негасимых костров.⁵⁰

– А почему ты, великий князь, поставил двух богов солнца? – спросил один из княжьих мужей.

– Кумекать надо, боярин Колыван. Дажьбог и Хорс – боги разных племен. Не к полянскому племени принадлежит и Семаргл, бог подземного мира. Не там ли возлежат останки пращуров и корни, кои насыщают растения, дающие всей природе жизнь. Нам надлежит объединить богов всех племен, дабы языческая вера не расползалась, как тараканы в разные углы, а сбегалась, как муравьи в единый навал, званье коему «пантеон». Киеву надлежит удержать власть над завоеванными племенами. А посему Перун – бог войны, грозы и молнии – должен предстать в окружении богов иных народов, показывая единство. Стольный град полян, Киев, отныне станет религиозным центром всех племен. Но другие боги не будут второстепенными к главному божеству. Они самостоятельны. Перун лишь сильнее их и могущественней. Один вид его обязан показывать, что он сильнейший. И сие каждому заметно. Он стоит на железных ногах, в глазницы его вставлены драгоценные камни. В деснице он держит каменную стрелу-молнию, усеянную яхонтами. Не только киевляне, но и язычники других племен будут сходиться к пантеону. Сходиться и к единой религии, и под руку единогодержавного князя. Русь тверже на ногах стоять будет. Уразумел, боярин?

– Знатно придумано, великий князь... А Макошь?

– В пантеоне должно быть и женское божество. Каждая язычница ведала, что Макошь земная супруга Перуна. Она – богиня плодородия, воды, покровительница женских работ: стрижки овец, прядения и прочих дел. И не только. От нее зависит девичья судьба. О Стрибоге же – божестве ветра, бури и выюги ты ведаешь, Колыван. Он слывет злым существом, воплощает враждебные силы, и ему нужны кровавые требы...⁵¹

С древнейших времен славяне доставляли требы (то есть приносили жертвы) злым упырям-оборотням, сказочным существам. Их страшились, не любили, но не принесешь им требу – поджидай неминуемой беды. А вот «берегинь» любили: они людей оберегают, ибо являются добрыми духами. Охотники задабривали берегинь и упырей еще с каменного века. Особо страшились упырей, а для одного и заговоры читали, и носили амулеты – обереги.⁵²

---

⁵⁰ Память об этом вечном огне сохранилась у новгородцев на многие столетия.

⁵¹ Попытка превращения язычества в государственную религию с культом Перуна во главе не удовлетворила Владимира, хотя киевляне охотно поддерживали даже самые крайние проявления кровавого культа воинственного бога.

⁵² В народном искусстве сохранилось много чрезвычайно древних символов добра и плодородия, изображая которые на одежде, посуде, жилище, древний человек думал, что знаки добра, «обереги», отгоняют духов зла. К числу таких символов относятся изображения солнца, огня, воды, растения, цветка.

Род почитался у древних славян верховным божеством, он повелевает всем: небом, землей, солнцем, дождями, грозами и водами. Родить или не родить земле, быть с хлебушком или без него – всё зависит от могущественного Рода.

Перуну же – богу грозы, войны и оружия – стали поклоняться гораздо позже, с тех пор, как у старейшин племен появились дружины.

Моление богам славяне-язычники непременно связывали с временами года, наиболее важными сельским работами. Наступит 1 марта⁵³ – году начало. Тут и новогодние святки подвалили, праздновали их чуть ли не две недели. Но допрежь всего во всех избах гасили очаги: со старым годом прощались, а дабы к новому приступить – добывали трением живой огонь. А где запылал огонь, там и особый хлебушек можно выпечь. Извлекут его на стол, зорко оглядят, и по всяким приметам норовят угадать, каков будет приходящий год? Опрочь того, язычники всегда усердно воздействовали на своих богов при помощи просьб, молений и треб.

Не учинить пир для богов – великое прегрешение. Тут уж скаредничать нельзя. Били в хлевах быков, козлов и баранов, пекли разнообразные пироги из всякой начинки, варили ячменное пиво. Праздновали у специальных святилищ – «требищ» и ведали, что боги находятся подле них, они – сотрапезники всего племени, они довольны ритуальным пиром.

Масленица – самый радостный, буйный и разгульный праздник. Солнце над головой всё ярче и выше, и оно сказывает: веселитесь славяне, пока пахота не наступила, тогда уже не до бражного ковша. А коль за рало возьметесь да за лукошко с житом, не забудьте своих предков. Ступайте-ка на кладбища и принесите «дедам» кутью,⁵⁴ яйца да медок, ибо ваши предки-покровители подсобят всходам жита.

Чем больше жителей племени, тем больше кладбище, поселок мертвых, коих сжигали и над пепелищами ставили деревянные домовины, куда весной и перед зазимьем приносили предкам угощение.⁵⁵

Погребальные обряды славян весьма изменились с появлением дружин. Знатные воины еще перед смертью приказывали: «Вместе со мной сжигайте мое оружие, доспехи, коней и жен».⁵⁶

Именно так был похоронен в Черной Могиле, расположенной на крутояре Десны, черниговский князь Горянич. Огонь грандиозного погребального костра был виден окрест на десятки верст...

Широко праздновали и день бога Ярилы. (С наступлением христианства он превратился в Троицын день). Ярила – бог животворящих сил природы. В сей день всё поселение язычников покрывалось густой зеленью: ворота, крыльца и оконца изб украшались зелеными веточками березы, а сами березки – лентами.

Конечно же отмечался и день Ивана Купалы.⁵⁷

Каждый весенний и летний праздник сопровождался молениями о дожде. Девушки водили хороводы, совершались обрядовые песни и пляски в священных рощах, дабы боги смиростивились и даровали полям обильные дожди.

⁵³ С воцарением христианства всё сдвинули на полгода, и год стал начинаться 1 сентября. Первое было более естественным – с начала весны начинался новый жизненный цикл. Начало года с 1 сентября, согласно Троицкой летописи, было принято в 1407 году. Но только в 1492 году был созван в Москве Собор, который перенес начало гражданского года с 1 марта на 1 сентября. Петр Первый ввел новый год с 1 января 1696 г.

⁵⁴ *Кутья* – кушанье из крупы с медом.

⁵⁵ Позднее, над могилами стали насыпать земляные курганы. Обычай приносов в «родительские» дни сохранился и до наших дней.

⁵⁶ Всё это подтверждено археологическими раскопками курганов. В качестве примера можно привести огромный курган высотой с четырехэтажный дом – «Черную Могилу» в Чернигове, где в процессе раскопок было найдено много различных вещей X века: золотые византийские монеты, оружие, женские украшения и туры рога, окованные серебром, с чеканными узорами и изображением былинного сюжета – смерти Коцея Бессмертного в черниговских лесах.

⁵⁷ Летний солнцеворот, 24 июня.

Особыми днями считалась Русальная неделя, коя предшествовала дню Купалы. Каждый ведал, что русалки – души умерших утопленниц и удушенных. Все они с длинными волосами до самой земли и все одеты в белоснежные сорочки без пояса. Когда идешь мимо реки, то заботливо осмотришь: именно здесь летом и обитают нимфы воды и полей. Сидят на плакучих ивах, березах, вербах и поют песни, веселятся, а то и почнут с визгом и хохотом кататься по земле. Скверно быть утопленниками и удушенными, но от них в немалой степени зависит – быть или не быть орошенному дождем полю. Тут уж поневоле начнешь справлять русальный праздник. В каждом поселении всех девушек собирали на сонмище и выбирали из них самых красивых.

Почтенные старцы оплетали девушек зелеными ветвями, а молодые парни обливали из кадушек водой. Посельники вздымали руки к небу и восклицали: «Быть дождю! Быть дождю!»

День Купалы был наиболее своеобразным. Все посельники поклонялись воде и огню, а девушки метали в реку венки. В саму же купальную ночь парни и девушки разводили на высоких холмах костры, и, взявшись за руки, прыгали через огонь.

Самая ответственная пора приспевала для славян перед страдой. Еще два-три дня и нива готова для косовицы. Но быть ли в сусеках урожаю, заботливо возвращенному натруженными руками оратая и вымоленному у богов? Он с трепетом глядит на небо, ибо день Рода – Перуна,⁵⁸ кой управляет грозой и тучами, может оказаться самым бедственным для хлебороба. Его немилость обрекает мужиков-страдников на лютый голод, кой принесет смерть. В сей жуткий день в поселении не услышишь ни одной песни, не увидишь девичьего хоровода.

Посельники выходят к полям и истово молятся: отведи бог от нив зной, сильный дождь, град и молнию, ибо зной иссушит колосья, большой дождь собьет наземь созревшее жито, град опустошит поле, молния – спалит сухую ниву. После завершения молебна посельники приносят кровавые жертвы всеильному, грозному божеству...⁵⁹

И вот в 988 году князь Владимир дерзко замахнулся на языческую веру.

---

⁵⁸ Ильин день, 20 июля.

⁵⁹ Знатоками обрядности и точных сроков (календарных) молений были жрецы-волхвы и ведуньи-знахарки, появившиеся еще в первобытную эпоху. Наряду с языческими молениями об урожае, составлявшими содержание годового цикла праздников, славянское язычество включало и первобытные верования в леших, водяных, болотных духов и культ предков – почитание мертвых, вера в домовых.

Глава 24

И радость не в радость

Великий князь торжественно вернулся из Херсонеса в Киев. А город ахнул: что за диковина? Кто же это шествует впереди великого князя? Батюшки-светы! Смуглые чужеземные попы в рясах. (Таких видели в Ильинской церкви). Их – уймища. Несут свой чудаковатый крест. Куда, зачем? Что понадобилось князю Владимиру?

«За крестом несут большой короб, дорогой, не русской работы, убранный шитыми тканями».

Христиане (в Киеве их не так уж и много) бухнулись на колени. С чего бы это они? Один из христиан пояснил язычникам:

– В коробе мощи святого Климента, от коих всякие чудеса происходят.

Язычники ухмыльнулись: чушь несет иноверец. Какие такие чудеса могут идти от костей? Эх, заврался!

А затем пришло самое жуткое: Владимир повелел уничтожить языческих богов – «одних изрубить, а других сжечь».⁶⁰

Скорбный вой загудел над старообрядческим многолюдьем. Многих обуял страх. Перуна – с серебряной головой и золотыми усами – привязали к хвосту белого коня, кой волочил идола с горы.

– О боги! – закричал один из язычников. – Да такой лютой казни подвергают людей злые печенеги. Берут в полон арканом и пускают коня вскачь. Не своими руками казнят. Не постоять ли нам за своих богов?

Клич дерзкий, бунташный. Ропот, сильный ропот пошел по рядам. Не дело удумал князь. Беду, несчастья накличет, разгневет всемогущих богов. И радость не в радость. Многие глаза прячут, смотреть не хотят. Скорей бы по домам, подальше от срама, от вероотступничества.

Зашевелились, вскинули копья, закованные в броню дружинники. Притихло многолюдье. Мужики княжки принялись колоть Перуна жезлами.

Плач усилился. Бога, забранного ремнем петлей, тащат в пыли по ухабинам Боричева взвоза. Кошунствуют над святыней княжки молодцы! Серебряную голову, усы и уши золотые ободрали, а затем кинули бога в Днепр. Ох, и быть же беде!

Новые христиане хоть и сбросили истукана в реку, но в души их вселился страх: Христа-то они совсем недавно извели, а с Перуном давно свыклись. Как бы он не вернулся?

Сам великий князь того опасался. Не случайно повелел:

– Не давайте приставать истукану к берегу, отпихивайте копьями! Оставьте Перуна за пределами Киевской земли и киньте за порогами.

Далече же идти за истуканом, тут и челны понадобятся. За порогами же славянских поселений не существует.⁶¹

Новоиспеченные христиане Киева были полны древних суеверий: они не дерзнули уничтожить Перуна, отдав его на волю тех же языческих богов. Обычай древний. Он сохранился и в православии. Старую, негодную, стершуюся или обгорелую икону не жгли. Считалось, что ее можно отнести на реку и, помолясь, пустить по воде. (Жив обычай и в наши дни).

---

⁶⁰ На основе документальных исследований и научных материалов историков В. Соловьева, В. Ключевского, Н. Карамзина, Б. Грекова, Б. Рыбакова, Г. Прошина, С. Перевезенцева, специалистов по язычеству древних славян, а также древних летописей написаны некоторые сцены данного произведения.

⁶¹ Место же, где течение реки выбросило Перуна на берег, киевляне приметили. И через два века летописцу была известна Перунья отмель на Днепре.

Владимир еще наперед послал по всему Киеву бирючей – глашатаев, кои объявили его волю:

– Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый или бедный, или нищий, или раб, – да будет мне враг!

Глава 25

Крещение

Чуть свет, а киевский люд уже засобирался к Днепру. Как не собираться, коль грозный князь на весь стольный град заявил:

«Кто не придет, – да будет мне враг!»

У кожевника Лукони Бобка – пять сыновей да три дочери. Жена, Маланья, ворчала:

– В экую сутемь поднялись. И чего это государь наш на старую веру замахнулся?

– Чудит князь Владимир, – хмуро вымолвил Луконя Бобок. – С дубинами его гридни на избу налетели и давай колотить. «Вылезай к Днепру христову веру обретать!» А ведь, кажись, совсем недавно князь повелел близ своего терема богов поставить, ныне же, будто шлея ему под хвост угодила. И до чего додумался? Священных богов на щепу рубит!

– Накажут его боги. Помяни мое слово, – молвила Маланья.

И впрямь. Веками молились на Перуна, Дажьбога, Велеса, Стрибога, Велеса и Макошу, а ныне боги не угодны стали. Да такое святотатство и в голову не втемяшится. Народ и не помышляет отшатнуться от старозаветной веры. Она своя, родная, от пращуров исходит. Никто и помыслить не мог, что заявится из ратного похода князь и тотчас повелит упразднить древнюю веру, «под корень срубить, как трухлявое древо». Нет, князь! Поганы твои слова, и сам ты опоганился, коль променял отчую веру на чужеземную, коя народу нужна, как слепому свеча. После твоих устрашающих слов весь Подол в смятение пришел. «Будешь враг!». Вот тебе и «Владимир Красно Солнышко!». Был, а ныне черной тучкой заволокло, коль свой народ врагом посчитал, как злого печенег. Всю минувшую ночь простолюдины метались. Князь не шутит. Допрежь богов изрубил, а дале и на ослушников с мечами и копьями может кинуться. Дело дошло до того, что многие подольчане решили бежать. Покидали на челны свои пожитки и со словами: «Уж лучше в бега, чем иноземной верой душу осквернить!» – скрылись под покровом ночи.

В немалой тревоге пребывали подольчане.⁶²

А духовные лица еще с вечера приготовились к обряду. Они говели, засим отслужили литургию, а потом торжественно, с хоругвями и иконами потянулись к Днепру.

– Дабы всех из домов выгнать! – приказал Владимир.

Молодшая дружина постаралась. «И сошлось там людей без числа».

Согнали на Подол, под гору, на низкий берег, под кручей. По реке веет ладаном: идет служба.

– Глянь на попов, – крутит головой Луконя. – Глянь на их лики. Смуглые, будто черт их дегтем вымазал. Чу, греки. А какие облаченья на себя напялили! Да за такое облачение пять быков купишь.

Попы в сияющих на солнце ризах с пением погрузили в воду крест.

– Для чего это, батя? – вопрошает младший из сыновей.

– Да я и сам в толк не возьму, Могутка, – разводя руками, отвечает Луконя. – Пойди князя спытай. Ишь, стоит на Священном холме с сынами.

Владимир Святославич вызвал в Киев на крещение всех своих сыновей. Среди них был и четырнадцатилетний Ярослав. Ему-то, разумеется, понятно было, что творилось на реке, ибо он уже много почерпнул о христианстве от своей матери Рогнеды и накануне крестился. Но лицо его было пасмурным. Не таким он представлял себе крещение народа. Мать не единожды рассказывала, что крещение – светлое, лучезарное празднество, кое именуется еще и

---

⁶² «Некоторые шли к реке по принуждению, некоторые же, ожесточенные приверженцы старой веры, слыша строгий приказ Владимира, бежали в степи и леса». (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен).

Богоявлением, поелику в момент крещения Господня разверзлись небеса и человечеству был явлен Творец в Трех Ипостасях. Бог Отец провозгласил окрестившегося Бога Сына, и в виде голубя изошел на Иисуса Христа Бог-Дух Святой. Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, и отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Креститель Духа Божия, кой сходил, как голубь, ниспускался на Него. Воды Иордана, когда в них ступил Спаситель, очистились – освятились.

Мать не раз показывала Ярославу святую воду, доставляемую ей паломниками, кропила сына и рассказывала, что сей крещенской водой исцеляются недуги, освящаются жилища и разные предметы.

Дабы креститься, надо допрежь многое уразуметь. Сей священный обряд не так уж и прост. А что изведали о крещении киевляне? Да ничего! Под копытами и дубинами их насильно загоняют в Днепр да еще угрожают словами великого князя, будто лютого врага в воду отрягают. Некоторые подольчане ночью даже в леса сбежали. Ну, зачем же так, отец?! Ведь все можно было сотворить миром, укладно, а не грубо, и не единым махом, как ты поступил с языческими богами. Народ озлоблен, осквернена его тысячелетняя память и вера, и он еще долго будет молиться своим божествам. Поторопился ты, отец, и с принятием новой религии. Опять же одним махом, будто о колено посох переломил. А народ – не посох, его в одночасье не сломаешь. С народом надо взвешенно поступать. Надлежало покойно призвать киевлян к Ильинскому храму и подробно поведать им о крещении. Есть кому. Вон сколь священников понаехало в город. Не единожды собрать, дабы каждый киевлянин уяснил о священном крещении, как о всеобщей надобности сего государственного дела. Тогда бы ни угроз, ни дубин не понадобилось. Ныне же киевляне, как слепые котятка тычутся. Худо все это, зело худо!

Ярослав не выдержал и ступил к отцу.

– А не повременить ли, батюшка, с крещением?

– Что?.. Да ты своем уме?

– Народ не ведает обряда. Надо бы допрежь его подготовить. Силком к Христу не приходят.

Владимир аж позеленел от гнева. Этот «Книжник» поучает отца при всех княжьих мужах. И кого?! Державного князя!

– Я сам ведаю, как крестить народ. В советчиках не нуждаюсь.

Повел кустистой, изогнутой бровью на княжьих мужей.

– Слышали, как юнота заговорил? Самая пора его дерзкий язык укоротить!

Ярослав порывисто повернулся и быстро зашагал к терему. Ему не хотелось наблюдать за кощунственным поруганием христианского обряда.

Владимир проводил сына злыми глазами. Щенок! Чем взрослей становится, тем все больше на рожон лезет. «Народ подготовить». Да чего его готовить, коль он в старых верованиях увяз? Не годами же его уговаривать. Приказ великого князя – обсуждению не подлежит. Народ в конце-концов разберется, что христианство намного богаче и приглядней языческих верований, кои останутся в тени византийского блеска. И свершит сие он, Владимир, первый русский князь, кой будет возвеличен на века... Погрешности же обряда выветрятся из памяти людской. Многие столетия на устах русичей будет лишь одно имя – Владимир! Креститель Руси!

Князь приосанился. Сейчас он отдаст давно задуманный приказ, и в державе воссияет новая вера, коя окончательно сблизит его с кесарями Рима.

Подле князя – дюжий Добрыня, разумник, первый воевода, верный содруг и к тому же сродник – брат матери, дядя. На Добрыню в любом деле можно рассчитывать. Не подведет!

Донеслись запахи ладана – греческие попы раздули кадила.

Владимир Святославич наблюдая с Горы за Подолом, кивнул Добрыне.

– Пора приступать Никитич!

Добрыне приказано быть сегодня распорядителем. Пусть всё познает и привыкает: весной другого года князь надумал его отправить посадником в Новгород и окрестить новгородцев.

Добрыня с дружинниками спустился к народу на Подол.

– Лезьте в воду! – закричали гридни.

Но никто не разумел, что и как потребно делать. Да и тяжело постигнуть, как такое огромное многолюдье можно немедля окрестить. Загнать в реку разом? Многие утонут и окажутся у водяного... Загонять десятками?

– Да сколь же можно стоять в воде? И глыбко ли лезть? – вновь заворчала Маланья.

– Попы ведают, – всё так же сумрачно ответил жене Луконя.

Но попа к каждому не приставишь, они далеконок и что-то поют невнятное. В головах язычников – полная сумятица. «Кто-то залез в Днепр по грудь, кто-то по шею; младенцев держат на руках – не держать же их в воде; кто-то и на месте не стоит, ходит. Нарушает этим таинство или нет? Не ясно».

Луконя, Маланья, сыны и три дочери забрались в воду по колени. Но вот, размахивая кадилом, на берегу оказался священник в сверкающем облачении и приказал:

– Триедино погружайтесь!

И вновь туманно. То ли три раз в воду присесть, то ли с головой окунуться? Помышляли у священника справиться, но тот уже бежал к другой толпе язычников. Наконец, разглядели. С головой! В мокрой одежде выбрались на берег. Дальше-то что?

К семье Лукони подошел греческий дьякон и протянул медные нательные кресты на гайтанах.⁶³

– Надевайте на грудь. Теперь все мы – братья во Христе.

Но на всех крестов не хватило.

– А на девок? – спросил Луконя.

Но дьякон, путаясь в длинной рясе, поспешал к другим «погруженным».

– Вот и ладно, – рассмеялись девки. – Старым богам будем молиться.

– Всего не провидеть. Ишь, сколь люду нагнали. Наберись тут на всех, – разглядывая крест, проговорил Луконя.

– Бать? А куда напяливать? На рубаху или под нее? – продевая крест через голову, спросил Могутка.

– Да я и сам не ведаю. Надо у попов изведать.

---

⁶³ *Гайтан* – тесьма, шнурок для ношения крестов и амулетов.

Глава 26

Могутка – сын Кожемяки

Младший сын оправдывал свое имя. В пятнадцать лет он легко, играючи вытягивал из грязи тяжело груженую подводку и поднимал за угол сруб бани.

Нравом был покладистый и благодушный. Силу имел непомерную, но никого не обижал. Киевляне диву дивились: и всего-то еще отрок, а его хоть на Илью Муромца выпускай. И откуда такой силы набрался?

Отец лишь посмеивался. И как Могутке сильным не быть, коль с девяти лет кожи мнет. И ведь сам напросился. Пришел как-то на кожевню боярина Додона Колывана, увидел, как отец корпит, и сказал:

– Прискучило мне, батя, по двору без дела слоняться. Пусть меня боярин на кожевню возьмет.

– Да ты что, сынок? – подивился Луконя. – Аль не зришь, какая здесь тяжелая работа? Тут и взрослому мужику едва управиться.

Княжой муж Додон Колыван поставил на своем дворе кожевню еще пять лет назад. На насмешки дружинников не обращал внимания. Дело выгодное, прибыльное. С кожевни немалый куш в калиту идет. Раздобыл кожи, поставил чаны и кликнул охочих людей из ремесленного люда. Сыскались дюжие мужики.

Крепкой силы требовал труд кожевников. В больших чанах замачивали они шкуры, дубили в особых растворах, затем отделявали их острыми скребками, мяти в могучих руках и вывешивали на просушку.

Обработку шкур начинали с вымачивания. Размоченную шкуру очищали от мездры.⁶⁴ Для ее снятия кожевники употребляли особые стальные струги.

После очистки от мездры шкуры подвергали золке для удаления волос. Золку производили в деревянных сосудах-зольниках; их засыпали золой и известью; после же золки со шкуры легко соскабливали волос.

Кожу промывали и подвергали размягчению с помощью кислых хлебных растворов – «квасом усняным». Затем кожу обрабатывали растительными дубильными веществами – корой дуба, ольхи, ивы, после чего кожу выравнивали, вытягивали, «жировали», разминали и окрашивали.

Чаще всего кожу красили в черный и темно-коричневые цвета, но некоторые лучшие сорта – в желтый, зеленый и красный.

Кроме дубленой кожи, для разных надобностей изготавливали сыромятную кожу. Она была крепче и мягче дубленой. При выработке сыромятной кожи обработанную шкуру также размягчали и жировали.

Большая часть кожи шла на изготовление обуви, рукавиц, поясов, ремней, седел, сбруи, для обтяжки и обивки ратных щитов...

Спрос был велик. Боярин Колыван на глазах богател, приткнул к чадному срубам еще одну кожевню...

– Ступай-ка, сынок, домой. Неча людей смешить, – молвил Луконя.

Но Могутка заявился и на другой день. И тут на его глазах оказался сам Додон Колыван. Оглядел отрока цепкими, прищуренными глазами и рассудил:

– А чего, Луконя? Парнишка у тебя с виду крепкий. Пускай тебе помогает, коль его охота разобрала. А как надоест – домой скатертью дорога. Я, милоч, никого силком не удерживаю.

---

⁶⁴ Мездра – слой подкожной клетчатки у животных.

– Да пусть денек покрутится, – махнул рукой Луконя. – Завтра и не помянет кожевню. Но отец обманулся: сын, как ни в чем не бывало, появился на кожевне и на другой день, и на третий, да так прилип к работе, что и клещами не оторвать. Вскоре он, наравне с мужиками, мямл кожи.

А мужики аж головой крутили:

– Не зря, Луконя, твое сына Могуткой прозвали. Экую силищу набирает...

Вот и стоял теперь этот богатырь несуразно с маленьким крестом на широкой груди, озираясь по сторонам.

На следующий день в избу Бобка греческий послушник принес икону, на коей был нама- леван какой-то человеческий образ с рыжеватой окладистой бородой.

– То главный христианский бог – Иисус Христос, – пояснил послушник. – Молитесь ему от всех бед и напастей, и не забывайте посещать храм. Там священник богослужебным молит- вам вас научит. Ходить в храм по три раз за день, особенно в пятницу. В сей день Христа на кресте распяли. Принял Иисус мученическую смерть за грехи людские. Молитесь всемило- стивому богу!

Послушник закинул за плечо мешок с иконами и удалился из избы: сколь еще новых христиан obeжать надо!

Семья же Лукони долго всматривалась в нового «главного» бога.

– Молиться велел.

– А чего на него молиться, коль его умертвили? Чудно.

– И впрямь чудно... Да еще три раз на день велел в церковь ходить. А когда в кожевне вкалывать да за прялкой сидеть?

– По старой вере от изделия не отлынивали.

– А куда положить-то Иисуса?

Тут все примолкли: надо было у послушника спросить, а тот за мешок схватился и быст- ренько ноги унес. Вот и гадай!

– А я так кумекаю, – решил Луконя. – На печку Христа положить.

– Истинно, батя. На печке тепло, не замерзнет, – сказал Могутка.

Так и сделали. Но в первый же день крещения в избе приключилась беда. Ни с того, ни с сего треснула кадь с водой, стоявшая неподалеку от светца. На пол потекла струйка воды.

– Домовой осерчал. Не принял он Иисуса, вот и начал озорничать, – сказала Маланья.

– Верно, мать, – поддакнул Луконя. – Надо жертву домовому принести. Пойду на двор и курицу забью.

– Ступай, ступай, отец, иначе нам домовой всякой беды накликает. Возьмет, да все прялки наши переломает. Давайте-ка, дочки, богине Макоши помолимся...

Тяжело (чрезвычайно тяжело!) вступали язычники в христианскую Русь. А многие некре- щенные люди убежали за уплывающим Перуном и оплакивали низвергнутого истукана.

В Новгороде Добрыне пришлось применить к язычникам и меч.

Казалось бы Русь стала христианской. Погасли погребальные костры, в коих сгорали тела умерших людей, угасли огни Перуна, требовавшего себе жертв, наподобие древнего Мино- тавра,⁶⁵ но долго еще по деревням насыпали языческие курганы, «отай» молились Перуну и огню-сварожичу, справляли шумные праздники родной старины.

---

⁶⁵ *Минотавр* – в греческой мифологии чудовище, полубык, получеловек, рожденный женой критского царя Миноса от связи со священным быком бога Посейдона. Минос заключил Минотавра в лабиринт и обязал подвластные ему Афины достав- лять периодически для кормления Минотавра по семь юношей и девушек. Афинский герой Тесей убил чудовище.

Глава 27

В языческий Ростов!

После принятия христианства в Киеве, великий князь Владимир Святославич вознамерился разослать своих старших сыновей с их дружинами, наместниками и греческими попами в разные города Руси, дабы крестить язычников.

Дольше всего он раздумывал о Ярославе. Поначалу помышлял отослать повзрослевшего отрока в Новгород, но передумал. В северный град поедет Добрыня с Вышеславом, в Псков – Судислав, Полоцк – Изяслав, Смоленск – Станислав, Туров...⁶⁶ Кого ж послать в сей отдаленный город, в кой, пожалуй, не захочет поехать ни один из сыновей?... Святополка! Именно «зол плод» должен туда уехать.

Когда Владимир Святославич принимался думать о Святополке, то лицо его всегда становилось насупленным, князя угнетали тяжелые воспоминания.

По его приказу варяги убили брата Ярополка, а сам он, ворвавшись в Теремной дворец, надругался над его брюхатой женой, гречанкой.

Владимир Святославич долго не хотел признавать народившегося чада, и лишь через пять лет решился усыновить племянника... Вот ему и ехать в Туров. Пусть подольше не увидит он его злобного лица.

А Ярослава? Этого неугомонного книжника и истового христианина? Ныне ему идет пятнадцатый год, он заметно возмужал и выглядит старше своего возраста.

Княжич всё больше и больше привлекает к себе не только церковников, но и здравомыслящих мужей государства, как будто чувствуют, кому быть следующим великим князем.

Ярослав не только вельми умен, но и отчаянной храбрости ему не занимать. Как он (два года назад) дерзко вошел с обнаженным мечом, когда захотел защитить свою мать Рогнеду! С мечом на отца своего. И он, Владимир, отступил от ложа разгневанной супруги. Но встреча с сыном навсегда запомнилась, и теперь ее никаким буйным ветром из головы не выветрить. А что недавно Ярослав сотворил, в день Крещения? При всем честном народе начал отца поучать. Не будь он сыном, и впрямь бы укоротил его дерзкий язык.

Не прост, не прост Ярослав. Он может быть опасен, и его тоже надо подальше удалить...

В языческий Ростов! Там не только чужд, но и славяне упорно не желают креститься. Наверняка встретят Ярослава стрелами и копьями. И один Бог ведает, удастся ли Ярославу сохранить в этой дикой лесной глуши свою жизнь.

(Жесток же, порой, бывал Владимир Красно Солнышко!).

Великий князь пригласил к себе сына и миролюбиво произнес:

– Ведаю, что ты стал добрым христианином, Ярослав, и наизусть выучил богослужебные книги. Похвально! Нам позарез нужны люди, кои должны нести божье слово язычникам. Киев лишь положил начало христианству, в других же городах прорезались робкие его ростки. А есть такие города, где об истинной вере и слухом не слыхивали. Эдаким является град Ростов, что стоит далеко на востоке, близ волжских и камских булгар. Город принадлежит племенам чуди и славянам. Ни один из князей не бывал еще в Ростове, не ступала туда и нога священника. Тебе, Ярослав, самому образованному христианину, и надлежит не только окрестить языческий град, но и окончательно привести ростовские земли под власть Киевской Руси. Ведаю, сын, нелегко тебе придется, но приспела пора показать себя не только достойным последова-

---

⁶⁶ *Туров* – древнерусский город на реке Припять в землях дреговичей (ныне поселок городского типа в Гомельской области). Первое упоминание в 980 году. В XI–XII веках – центр Турово-Пинского княжества. В конце 12 века распалось на ряд княжеств, вошедших в начале XIV века в Великое княжество Литовское. Свое название «Туров» город получил от варяга Тура, некогда повелевавшего этим городом.

телем Христа, но и отменным воином. Надеюсь, уроки⁶⁷ Святослава пошли тебе на пользу. Дам тебе дружину, бывалого пестуна и смелых греческих попов.

Предложение великого князя оказалось для Ярослава неожиданным. Он-то лелеял надежду уехать с Добрыней в Новгород, но отец отсылает его в какой-то неведомый Ростов, в глушь, на самый край Русской земли.

В последние годы Ярослав чувствовал, что отец заметно охладил к нему, и он постоянно ждал какого-то подвоха. И вот то случилось. Великий князь отправляет его в ссылку, хотя и выполняет это под видом большой государственной надобности.

– Когда выступать прикажешь, отец?

– А ты дорогу на озеро Неро ведаешь?

– Я слышал, что Ростов стоит на озере Неро, но пути к нему не знаю.

– Даю неделю тебе на сборы. Поразмысли, как тебе лучше добираться. То ли водным путем, то ли через дремучие леса.

– И в том, и в другом случае я постараюсь найти проводника.

– Добро, Ярослав.

Но отыскать проводника оказалось делом не легким. Лишь на третий день нашелся один из купцов, коему удалось побывать в Ростове.

– Тяжко, княжич, в сей град добраться. Поначалу плыли мы на ладье по Днепру, а потом река кончилась, и пришлось нам судно на себе волочь. Почитай, дён пять тащились и наконец к Волге вышли. Опять долго плыли, пока до Которосли не дошли. Сия река в Волгу впадает, вот по ней и к Ростову подались.

– Выходит, по Которосли?

– Да нет, княжич. С Которосли надо еще на реку Вексу угодить. Она и приведет к самому Ростову.

– И сколь же недель добирались, Силуян Егорыч?

– Да, почитай, восемь недель. Поизодрались, потощали, едва живехоньки на берег выползли.

– А какая нужда привела тебя в Ростов пробираться?

– Любопытство, княжич. Земля-то невиданная. А купец, чтоловец, торгом берет. Поехал с никчемным товаришком, а вернулся с богатой добычей.

– Аль мешок золота привез?

– Какое там, княжич. Я на свой товаришко дорогие меха закупил, коим в Киеве цены нет.

– А со мной в Ростов пошел бы, Силуян Егорыч?

– Отчего ж не пойти? С полным удовольствием, княжич.

– А коль лесами добираться?

– Худо, княже. Дорог, как я наслышан, через леса к Ростову нет. А без дорог и коней загубишь, и подвод с харчами не возьмешь. Правда, в моей голове не семь пядей во лбу. Может, какой-нибудь человек и через дебри в Ростов проведет, но что-то с трудом в оное верится.

– Я подумаю, купец. А покуда жди моего слова.

Нелегкую задачу подкинул сыну великий князь! По воде и лесам коней с собой не возмешь. А не приведи Господи, случись битва? Можно и на конных болгар напороться, и на тех же ростовских язычников, кои тоже без коней на брань не выходят. Придется биться пешей ратью.

Решение принял, не задумываясь, – плыть по рекам. Но надо допрежь посоветоваться с пестуном Добрыней Никитичем.

Тот, готовясь к выезду в Новгород, выслушал племянника и покачал головой:

---

⁶⁷ Уроки – в данном случае – упражнения.

– Не чаял, что Владимир Святославич пошлет тебя в такую одадь. Мог бы и поближе город дать, но ничего не поделаешь... Сколь же дружинников тебе дозволено взять?

– Три сотни.

– Маловато... Вельми маловато для покорения земли Ростовской. Придется в любом деле, Ярослав, крепко головой размышлять. И хвали Бога, что голова у тебя здравая. Тебе скоро пятнадцать лет стукнет, но рассудком своим ты иных княжьих мужей превосходишь. Своей мудрой матери надо в ноги поклониться. Когда-то я помышлял тебя от нее отвадить, а ныне вижу – напрасно. Впереди тебя ждет немалой труд, а посему на всю жизнь запомни, Ярослав: умеи работать – умеи и помощников подбирать. То зело важно. Я помогу отобрать тебе добрых дружинников. Они прошли огонь и воду. Искушенные вои. Но они рохлю не потерпят, ибо уважают сильных и твердых воевод и князей. Постарайся не упасть в их глазах. С первых же твоих шагов они должны убедиться, что перед ними властный и решительный муж. Но палку не перегибай. Возлюби и младшего и старшего дружинника. Деда твоего Святослава вои были готовы на руках носить, а за какие доблести ты уже давно ведаешь... И вот что еще, племянник. Лишь на надежных ладьях ты можешь добраться до Ростова. Сыщи ладейного мастера и всё проверь своими руками. Каждое судно должно быть добротнo проконопачено, просмолено и укреплено высокими бортами-насадами, дабы ни одна вражья стрела не угодила в дружинника. Им придется быть и гребцами и воинами. Лишний груз для ладьи – большая помеха. Волгу ты не ведаешь, там тоже, небось, отмелей хватает. Без шеломов позволяй сидеть воям лишь в редких случаях. Волжские берега коварны. Ворот может появиться в любой час.

– Спасибо за добрый совет, Добрыня Никитич, – тепло поблагодарил дядю Ярослав.

– А кого тебе в пестуны великий князь уготовил?

– Еще не ведаю.

В пестуны своему юному сыну Владимир Святославич назначил... Додона Колывана. Великий князь всех бояр ошеломил. Каждый ведал об их натянутых отношениях друг к другу. И вдруг Колывана – в дядьки Ярославу, на пору его княжения в Ростове!

Даже сам Додон того не ожидал. Норовил Владимиру Святославичу высказать отказ, но князь и слушать ничего не пожелал:

– Я долго размышлял, Додон Елизарыч, и менять своего решения не намерен. Лучшего дядьки для Ярослава не найти.

– Но... но к княжичам обычно приставляют любимцев государя. А я, кажись, никогда твоим баловнем не был, и всегда это чувал.

– Ярославу нужен вельми искушенный, поднаторевший в делах, суровый муж. А из любимчика он будет вить веревки и наломает дров. Ты-то у меня в дружине два десятка лет, и в оплохе я тебя никогда не зрел. Не скрою – душой к людям черств, но сие делу не помеха. Тот, кто мягок как воск – в жизни слюнтый и рохля, на коем воду возят. Собирайся в путь, Додон Елизарыч, и будь сыну моему наставником.

Вышел из покоев князя Колыван удрученным. Ему страсть как не хотелось ехать в какой-то богом забытый Ростов, да еще с Ярославом, кой хоть и юн, но тверд нравом своим и умен. Он не станет прогибаться перед своим пестуном и, коль ему удастся вокняжиться в Ростове, то и вовсе перестанет считаться со своим «дядькой». Он уже не княжич, а князь – властитель Ростовской земли. Пестун ему и вовсе не понадобится.

Мрачен был Колыван. Не случайно, далеко не случайно его выбрал великий князь. Он давно на его, боярина, зуб точит. Ведь намеренно выбрал самую пакостную землю, коей, как прошел слух, завладели новгородские ушкуйники,⁶⁸ лихие люди. Да там в любой день живота

---

⁶⁸ Ушкуйники – речные разбойники, грабители; ушкун – небольшие ладьи, челны, лодки-однодеревки, на которых разбойничали ушкуйники.

лишат.⁶⁹ Того князю Владимиру и надобно: от недоброхота своего избавится. За тем и отправляет к разбойникам, «киевский Соломон!»

Но всех меньше был подивлен решением отца сам Ярослав.

«Это месть за Рогнеду, – сразу подумал он. – Ну что ж, спасибо, отец. Но ты не мысли, что я взбунтуюсь твоему приказу. Ты ведь гредишь об этом, чаешь лицезреть испуганного сына. Но такого удовольствия я тебе не предоставлю».

---

⁶⁹ *Лишить живота* – предать смерти, убить.

Глава 28

По волге раздольной

Десять ладий плыли по Волге. Позади – Днепр, мучительные волоченья судов среди лесов, по твердой и болотистой суше, дневные и ночные привалы под жарким солнцем, моросящим дождем, надоедливый гнусом – мошками, комарами и слепнями, коих не отпугивали даже едкие дымы костров.

Ярослав плыл на передней ладье с причудливым резным драконом и белыми парусами. Вкупе с ним находились пестун Колыван и купец Силуян со своим «кой-каким товаришком».

Купец – сущая противоположность Додону: веселый, словоохотливый, с открытым лицом и бойкими, хваткими глазами.

На каждой ладье по тридцать воев и по одному кормчему. Без них нельзя: кормчий, можно сказать, главный хозяин на воде, управляющий ходом судна. Без него и в брег тотчас врежешься, или на мель сядешь.

Ярослав стоял на носу ладьи и любовался Волгой. Какая величавость и ширь! Левый берег пологий, утонувший в бесконечных лесах, правый – высок, крут, зачастую обрывист.

– Вот где крепости ставить. Ни один бы враг не осилил. И надо же – по всей Волге ни одного города. Не так ли ты мне глаголил, Силуян Егорыч?

– Вестимо, князь. На сотни верст места пустынные.

С той поры, как Ярослав отъехал от Киева, его стали величать князем.

В те времена не было еще на раздольной Волге ни Твери, ни Углича, ни Ярославля, ни Костромы, ни Нижнего Новгорода...

– Ужель, Егорыч, и в лесах пусто? – продолжал изъяслять любопытство Ярослав.

– Да как сказать, князь. Леса не только зверем изобильны. Бывает, и неведомый люд на брег выскакивает.

– А что за люд?

– Пойми тут, – пожал плечами Силуян. – Выскочили в каких-то звериных шкурах, с луками и стрелами. Я, было, крикнул: «Не войной идем, а торговать!» – и ладью к берегу. Но те либо язык мой не уразумели, либо чего-то устрашились. Как неожиданно появились, так неожиданно и исчезли. Вот я и толкую – неведомый люд.

– Много еще на сей земле неизведанного, – раздумчиво произнес Ярослав. – Мы всё воюем, деремся за каждый клочок земли, а какие громадные просторы лежат не тронутыми.

– Выходит, время не пришло, Ярослав Владимырьч. – Погоди, минует век, другой – и на Волге будет столь городов, что и перстов наших не хватит. Земля не любит впусте лежать. Вот уж где купцам будет размахнуться.

Князь и купец толковали, а Додон Елизарыч помалкивал. У него все думы – о кожевне. Тиуна-холопа⁷⁰ приглядывать за работными людьми поставил. Кажись, человек ушлый, надежный, дурака валять кожемякам не позволит, но и про себя не забудет. Жнет, где не сеял, берет, где не клал. Ну да всю кожевню не разворует, с умом будет мощну набивать. Приедешь, а у него и комар носу не подточит. Изворотливый тиун...

– Слышь, Егорыч, а твой кормчий сноровистый? Давно его ведаешь?

– Фролку-то? Да, почитай, лет десять по рекам с ним хожу. В прошлый раз я его и на Волгу брал. Толковый мужик, не подведет. Он и остальных кормчих в Киеве подбирал. Умельцы! Да ты за них не тревожься, Ярослав Владимырьч, к любому непогодью свычны. И каждый – при силушке. В случае чего – и за воев сойдут.

---

⁷⁰ В описываемый период тиуны (приказчики) назначались князьями и боярами из своих слуг – холопов.

– Вот то славно, – довольно сказал Ярослав. – Прибудем в Ростов – обучу их ратному делу.

В одной из княжеских ладий находились греческие попы, Феодор и Илларион, с четырьмя послушниками.⁷¹ В их поклаже – богослужебные книги, хоругви, кресты и парадное облачение. Попы надеются, что они после крещения язычников, установят новые церковные праздники, на кои явятся в сверкающих серебряных и золотых стихарях.⁷²

«Удастся ли без крови обратить язычников в новую веру? – поглядывая на священников, подумал Ярослав. – В некоторых городах так не приключилось. Воевода Путята, посланный князем Владимиром допрежь Добрыни Никитича, крестил Новгород мечом. Худо! Там, где прошелся меч, истинному крещению не быть. Меч для брани хорош, а не для введения христианства. Как-то получится в Ростове?»

Раздумья Ярослава прервал звучный голос Фролки:

– Ветер стихает, ребяташки! На весла, на весла навались!

Ярослав прошел на корму, в кою была врублена небольшая ладейная изба, а за ней стоял Фролка, ухватившись грузными руками за кормовое весло. Он был невысокого роста, но кряжист. Густые русые волосы были перетянуты на лбу узким кожаным ремешком.

– Совсем не стихнет?

– Стихнет, князь. И часу не пройдет, но то не беда. Почитай, до самой Которосли по течению пойдем.

– А в чем беду видишь?

– В дне нынешнем, князь. Жарынь. Ветер стихнет – духота приспеет, а за ней Перун пожалует. Буря же на Волге, как на море разыграется.

Ярослав пристально глянул на кормчего. На широкой груди висит медный нательный крест, а он на Перуна ссылается. Но ничего на это не сказал, а лишь опять спросил:

– Ты и на море ходил?

– Довелось, князь. С купцами Хвалынское море бороздил. Не единожды сталкивались с бурей. Жуткое это дело.

– По-твоему и сегодня нас буря ждет?

Фролка вновь оглядел небо и уверенно высказал:

– Не миновать, князь. Чуешь, ветер совсем стих. Паруса обвисли, а со стороны полунощи⁷³ Перун небо затемнил. И часу не минет, как священный бог ярый ветер поднимет, колесницей по небу начнет гроыхать и молнии кидать. Надо, пока не поздно, к берегу приставать, паруса снимать и суда на якоря ставить. Повелевай, князь!

Ярослав никогда в жизни не пускался в дальние плаванья, и всё, что сказал ему кормчий, он принял, как должное. Теперь надо отдать своевременный приказ. Но... к какому берегу приставать? Где ветры и волны станут бушевать тише? И как сподручней ставить ладьи? Впри-тык или на некотором поприще⁷⁴ друг от друга.

Он несколько раз за свою короткую жизнь переживал ураганы, но они происходили на земле, а все равно было страшно. Буйный ветер выворачивал с корнями деревья, срывал кровли с теремов и даже кидал в небо курные избенки. Ужас!

Глаза кормчего были зоркими, явно испытующими, и даже не без лукавинки, они, как бы говорили: «Ну-ну, посмотрим, князь, какие повеленья ты сейчас отдашь ладейникам».

А Ярослав и не стал отдавать приказа. Бывают такие минуты, когда и о честолюбии можно забыть. И князь, встретившись с вопрошающими глазами Фролки, молвил:

⁷¹ *Послушник* – прислужник, готовящийся принять постриг в монастырь.

⁷² *Стихарь* – риза.

⁷³ *Полунощь* – север.

⁷⁴ *Попреще* – мера длины в разных значениях; путевая мера – около 20 верст (дневной переход). В переносном значении – поле деятельности. В данном случае – расстояние.

– Ты у меня старший кормчий, тебе и ладьями распоряжаться. Повелевай!

– Как прикажешь, князь, – слегка поклонился Фролка и добавил. – Пока чуток на веслах пойдем, а вон за тем изгибом, что по правому берегу, будет небольшой залив. Там самое место ладьям бурю переждать. Крутояр ветры смягчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.